

Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникационная функция насилия в сфере политического

**Выпускная квалификационная работа
по основной образовательной программе
ВМ.5576 «Прикладная этика»**

Исполнитель:

Студентка 2 курса магистратуры
по направлению 47.04.02 «Прикладная этика»
Долоцкая Наталия Алексеевна

Научный руководитель:

Кандидат философских наук,
доцент Щукин Денис Андреевич

Рецензент:

Кандидат философских наук,
доцент Бондаренко Лилия Ивановна

Санкт-Петербург

2017

Содержание.

Введение	3
Глава 1. Феномен насилия как этико-философский и социально-политический конструкт.....	9
1.1. Вариабельность атрибуции феномена насилия в рамках различных дискурсивных систем.....	9
1.2. Классификации насилия: конфигуративность и разноуровневость.....	30
Глава 2. Классификационный анализ коммуникации как способ выявления корреляции с феноменом насилия.....	39
2.1. Теоретические модели и функциональная составляющая коммуникации.....	39
2.2. Коммуникативные аспекты насилия.....	51
Глава 3. Коммуникационные функции в контексте различных уровней насилия.....	63
3.1. Гибридизация насилия в концепциях В.Беньямина и С.Жижека.....	63
3.2. Уровни насилия и функции коммуникации.....	68
Заключение	
78Список литературы	

Введение.

Современная социально-политическая обстановка может быть охарактеризована как нестабильная, устойчивость и стратегическая прогнозируемость которой невозможна из-за иррациональных взрывов агрессии и насилия. Демократическое уважение прав и свобод оказывается неосуществимым в силу столкновения с необходимостью обеспечения безопасности и защиты граждан, которое предполагает усиление властных полномочий. В то же самое время, при ином ракурсе рассмотрения, использование властью любых возможных причин для расширения границ влияния ставит вопрос об осуществлении насильственных актов со стороны государственных структур.

Нельзя не отметить, что осмысление феномена насилия, являющегося центральным для данной работы, имеет богатую историю в философской и политической мысли. Проблема насилия разрабатывалась еще со времен античности, когда такие философы как Сократ, Платон¹ и Аристотель² задумывались о вопросах соотношения государства, человека и общества. В эпоху Средневековья П.Абеляр³, Ф.Аквинский⁴, Св.Августин⁵ рассматривали насилие как проявление политического в его взаимодействии с христианскими заповедями. Уже в концепции Н.Макиавелли⁶, где насилие анализируется как одно из средств власти,

¹ Платон. Горгий // Платон. Соч. в 4 т. Т.1. - М.: Мысль, 1990. С.477-574.; Платон. Государство. // Платон. Соч. в 4 т. Т.3. - М.: Мысль, 1994. С.79-420.

² Аристотель. Политика. // Аристотель. Соч. в 4 т. Т.4. - М.: Мысль, 1984. С. 375-644.

³ Абеляр П. История моих бедствий. - М.: Атик, 1994.; Абеляр П. Теологические трактаты. - М.: Прогресс: Гнозис, 1995.

⁴ Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI – XVII вв. – Л.: Наука 1990.

⁵ Августин Аврелий. О граде Божиим. - М.: Харвест; АСТ, 2000.

⁶ Макиавелли Н. Государь. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt> (Дата обращения: 22.02.2017)

можно проследить современные тенденции в интерпретации политического насилия как легитимирующегося законом. Также следует отметить, что данный автор не оценивает насилие как моральное зло. Т.Гоббс⁷ рассматривал насилие как одно из важнейших средств существования в состоянии “войны всех против всех”. Ж.-Ж. Руссо⁸ напротив полагал, что общественная жизнь благодаря неравному положению людей способствует распространению насилия. Ж.Сорель⁹, М.Бакунин¹⁰, К.Маркс¹¹, Ф.Энгельс¹², Г.Маркузе¹³ также рассматривали насилие как средство, но уже для завоевания государственной власти. У М.Вебера¹⁴ и Г.Спенсера¹⁵ можно встретить такое понимание насилия, как средства удержания власти. Антропологический подход, предполагающий, что насилие выводится из самой природы человеческих отношений, просматривается в концепциях Ж.П.Сартра¹⁶, К.Ясперса¹⁷ и Х.Ортеги-и-

⁷ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - М.: Директ-Медиа, 2002.

⁸ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. - М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.

⁹ Сорель Ж. Размышления о насилии. – М.: Фаланстер, 2013.

¹⁰ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. - М.: "Правда", 1989.

¹¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://libelli.ru/works/kapital/24.htm> (дата обращения: 06.01.2017).

¹² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.20. - М.: Изд-во полит. лит-ры, 1961. С.5-342.

¹³ Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ, Астрель, 2011.

¹⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.

¹⁵ Спенсер Г. Личность и государство. - Челябинск: Социум, 2007.

¹⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ: Астрель, 2012.

¹⁷ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат. 1991.

Гассета¹⁸. П.Бурдьё¹⁹, М.Вебер, М.Фуко²⁰, Э.Гидденс²¹ связывают политическое насилие с социальными процессами.

Также следует упомянуть о противоположном течении в понимании насилия - этике ненасилия. Наиболее яркими представителями, разрабатывающими данную проблематику являются Л.Н.Толстой²², И.Ильин²³, М.Ганди²⁴, М.Л.Кинг²⁵.

Однако, трактовка насилия выступающего как средство для установления или удержания власти непосредственного актора или группы лиц, задающего основной вектор в рассмотрении насилия, не позволяет анализировать насилие в его междисциплинарной и многоаспектной вариативности. Маркировка данного феномена как деструктивного и аморального выносит насилие за рамки этического анализа. Подобная одномерность и односторонность исследования избегает вопроса о возможной конструктивной роли насильственных актов.

Коммуникацию в политической сфере также как и феномен насилия нельзя признать малоизученной темой в русле философского анализа. Политическая коммуникация как одно из средств власти использовалось со времен античности и не потеряла актуальности в настоящее время. К проблеме коммуникации в политической сфере обращались такие

¹⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. - М.: АСТ, 2016.

¹⁹ Бурдьё П. О символической власти. // Бурдьё П. Социология социального пространства. - М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

²⁰ Фуко М. Порядок дискурса// Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. - М.: Касталь, 1996. С.47-97.

²¹ Гидденс Э. Социология. - М.: Эдиториал УРСС, 1999.

²² Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 37. - М.: Гослитиздат, 1956.

²³ Ильин И.А. О сопротивлении злу силой // Ильин И.А. Путь к очевидности. - М.: Республика, 1993.

²⁴ Ганди М.К. Моя вера в ненасилие. Вопросы философии. №3. 1992. С.65-66.

²⁵ Кинг М.Л. Паломничество к ненасилию // Этическая мысль. 1991. - М.: Республика, 1992.

значимые авторы как Аристотель²⁶, Н.Макиавелли²⁷, Т.Гоббс²⁸, Ш.Л.Монтескье²⁹, Дж.Локк³⁰, Дж.Ст.Милль³¹, К.Маркс³², М.Вебер³³, Т.Парсонс³⁴, П.Сорокин³⁵, Г.Лассуэлл³⁶ и многие другие.

В рамках данной работы коммуникативная составляющая насилия, трактуемая как некоторый возможный канал связи в области политического, может быть понята как одно из воплощений именно конструктивной социально-этической составляющей.

Объектом исследования является феномен насилия. Предметом выступает коммуникационная функция насилия в сфере политического.

Целью данной работы является анализ феномена насилия с точки зрения его коммуникативных характеристик, где под коммуникацией понимается не просто канал связи, а социально-этический конструкт, влияющий на формирование всего морального дискурса.

²⁶ Аристотель. Политика. // Аристотель. Соч. в 4 т. Т.4. - М.: Мысль, 1984. С. 375-644.

²⁷ Макиавелли Н. Государь. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt> (Дата обращения: 22.02.2017)

²⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - М.: Директ-Медиа, 2002.

²⁹ Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999.

³⁰ Локк Дж. Два трактата о правлении. // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т.3. – М.: Мысль, 1988. С. 135–405.

³¹ Милль Дж. О свободе. // Наука и жизнь. 1993. № 11. С.10–15; № 12. С. 21–26.

³² Маркс К. Капитал. Т. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://libelli.ru/works/kapital/24.htm> (дата обращения: 06.01.2017).

³³ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.

³⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002.

³⁵ Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления. - М.: Наука, 1993.

³⁶ Лассвелл Г. Структура и функции коммуникации в обществе. // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. - М.: Аванти плюс, 2003.

Коммуникационная функция насилия в сфере политического позволяет раскрыть необходимость данного феномена в политическом дискурсе, отказавшись от оценки насилия исключительно как средства для достижения или удержания власти.

Из цели вытекают задачи исследования:

- концептуализировать феномен насилия в контексте социологических, политологических и философских исследований;
- определить общетеоретические подходы и методики изучения насилия в сфере политического;
- раскрыть механизм манифестирования насилия в сфере политического как абсолютного морального зла;
- классифицировать концепции коммуникации в рамках изучения насилия в сфере политического;
- проанализировать существующие концепции функций коммуникации (функций языка);
- выявить место насилия в структуре политической коммуникации;
- рассмотреть насилие в сфере политического как аккумулирующее в себе различные функции коммуникации.

Совокупность методов исследования определена согласно поставленным целям и задачам, а также с учетом предмета и объекта настоящей работы. Одним из основополагающих методов выбран метод классификации, на основании которого были проанализированы различные концепции насилия и коммуникации. Другим методологическим принципом данной работы является структурно-функциональный подход, который позволяет рассматривать насилие в сфере политического в единстве связей и отношений с другими явлениями и сферами.

Следует оговорить, что на основании концепций К.Шмитта³⁷, Ю.Хабермаса³⁸ и Ш.Муфф³⁹, в работе проводится концептуальное разграничение политики и политического, где политическое определяется как онтологическое по своему существу, связанное с ассоциацией (солидарностью) и диссоциацией определенных групп в публичном пространстве, а политика как онтическое образование, включающее многообразие различных практик.

На основе всего вышесказанного можно говорить о гипотезах исследования:

- насилие является не только средством достижения или удержания власти (ее инструментом), но и определенным социальным конструктом, несущим в себе потенцию для акта коммуникации;
- пути и способы проявления насилия напрямую зависят от главенствующей функции или цели каждого конкретного акта;
- виды насилия не являются статичными и могут изменяться, трансформируясь из одного вида в другой.

Диссертация состоит из трех глав, введения и заключения. В первой главе дается общий обзор существующих концепций насилия и приводится несколько возможных классификаций данного феномена, среди которых основополагающими являются концепции С.Жижека и В.Беньямина. Во второй главе анализируется понятие коммуникации в его концептуальной многозначности, выделяются основные функции вербальной и невербальной коммуникации, которые находят свое

³⁷ Шмитт К. Понятие политического // Политология: хрестоматия. Под ред. М.А. Василик. — М.: Гардарики, 2000. С.23-42

³⁸ Хабермас Ю. Что такое «политическое»? [Электронный ресурс] URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Shto-takoe-politicheskoe> (Дата обращения: 28.02.2017).

³⁹ Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. – М.: ИФРАН, 2008. С. 89.

отражение и в феномене насилия. В третьей главе освещаются коммуникативные функции различных уровней насилия.

Научная новизна исследования заключается в новаторской трактовке насилия в рамках этического поля, что достигается с помощью концептуализации насилия как феномена, несущего в себе коммуникативный аспект.

Теоретическая и практическая значимость заключается в возможности применения методики и результатов исследования для оценки и интерпретации “насильственных” политических актов.

Глава 1. Феномен насилия как этико-философский и социально-политический конструкт.

1.1. Вариабельность атрибуции феномена насилия в рамках различных дискурсивных систем.

Нельзя не отметить, что осмысление феномена насилия, являющегося центральным для данной работы, имеет богатую историю в философской и политической мысли. В целях более полного концептуального анализа насилия следует подробнее обратиться к различным интерпретациям данного феномена. Так, насилие может рассматриваться как физическое или психологическое угнетение, которое предполагает господство одного живого существа над другим, дислоцирующееся как на макро-, так и на микроуровне. «Насилие неотъемлемо от агрессии, являясь фазой ее эскалации. Насилие не существует вне агрессии, и наоборот. ... Насилие – фаза в развертывании агрессивного поведения (в том, конечно, случае, если оно «разворачивается»)»⁴⁰. Первостепенным фактором в этологической трактовке является прямая связь с физиологической склонностью субъекта к агрессии. Такой же точки зрения придерживается К.Лоренц, который трактует агрессию, как инстинкт борьбы, «направленный против собратьев по виду»⁴¹. Агрессия (и насилие как ее выражение) - врожденный инстинкт, который служит сохранению жизни.

В противоположных категориях насилие интерпретируется как один из видов девиантного поведения (интерпретируемого в русле психологии), отклонения от стандарта, нормы. Так, к наиболее тиражированным примерам можно отнести мазохизм и садизм в рамках одного из видов насилия - сексуального - или «семейное» насилие на бытовом уровне, а в

⁴⁰ Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. - М.:Водолей, 2010. С. 19.

⁴¹ Лоренц К. Агрессия. - М.: Прогресс, 1994. С. 2.

более общем смысле и крайнюю форму «аморального» поведения - терроризм.

Рассмотрение насилия в качестве вида или способа девиантного поведения также распространено в социологическом дискурсе, который может быть представлен теорией аномии (Э.Дюркгейм, Р.Мертон). Основоположником теории является Э.Дюркгейм, который в исследовании сущности самоубийства⁴², проиллюстрировал тезис о том, что несоответствие жизненного опыта людей и регулятивного механизма социальных норм приводит к дезориентации и социальной дезорганизации, воплощенной в нарушении коллективного порядка, проявляющейся в различных формах девиантного поведения. Р.Мертон развил концепцию аномии в культурологическом русле⁴³, акцентируя причину девиаций, которой является разрыв между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами достижения целей.

К концепциям девиации также можно причислить теории стигматизации и наклеивания ярлыков Г.Беккера⁴⁴, рассматривающего ее политологический аспект. Девиация, по мнению автора, обусловлена навязыванием стандартов поведения со стороны влиятельных групп общества. Основным здесь представляется объяснение обретения статуса девианта в социальной группе.

Теория относительной депривации (Т.Р. Гарт и Дж.Дэвис) и фрустрационный подход (Дж.Доллард, Н.Миллер⁴⁵) могут быть представлены как единая концепция, где источником насилия считаются препятствия, которые не позволяют субъекту достичь цели. Социальные

⁴² Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. - М.: Мысль, 1994.

⁴³ Мертон Р. Социальная структура и аномия. // Социология преступности (Современные буржуазные теории). - М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.

⁴⁴ Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, London: Free Press of Glencoe, Collier-Macmillan, 1963.

⁴⁵ Miller N. The frustration-aggression hypothesis. // Psychological Review. 1941. V.4., №4.

группы прибегают к насильственным действиям при разрыве между своим статусом (тем, что они есть) и собственной оценкой (тем, что они заслуживают). Т.Р. Гарр определяет относительную депривацию как расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями. Выделяется три вида относительной депривации: убывающая (стремления на прежнем уровне, сокращение возможностей), устремленная (рост ожиданий, стабильность возможностей) и прогрессивная (развитие стремлений, снижение возможностей). Фрустрация - условие, которое блокирует достижение желаемого. Попытка снятия блока активизирует политическое насилие (агрессию), которое определяется как “ряд событий, общим свойством которых является реальное или угрожаемое применение силовых акций⁴⁶”. Потенциал политического насилия детерминируется склонностями социальной группы к насилию над другой группой. Для оценки политического насилия Гарром используется три переменные: степень участия (масштаб), разрушительный уровень (интенсивность), время насилия (продолжительность). Таким образом насилие предстает как следствие индивидуальной неудовлетворенности, которая политизируется на публичном уровне и далее реализуется в насильственных актах. «...чем выше интенсивность депривации, тем больше размеры насилия»⁴⁷.

В рамках структурного подхода (Н.Смелзер, И.Гальтунг) насилие зависит от социально-экономической и политической структуры конкретного общества. Основанием теории коллективного действия Н.Смелзера является тезис о том, что насилие, конфликты и иные антагонизмы внутри общества есть следствие отсутствия равновесия между макросоциальными структурами. Среди факторов оценки уровня антагонистических настроений общества выделяются следующие: фактор

⁴⁶ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют? - СПб.: Питер, 2005. С.42-43.

⁴⁷ Там же. С.47.

структурного напряжения (влияние политических и экономических причин), фактор структурного восприятия (уровень терпимости институтов власти к оппозиции), фактор предвзятости (система взглядов, как аргумент насильственных действий ради устранения «несправедливости»), факторы ускорения (события, ускоряющие конфликт), фактор мобилизации участия (способность оппозиционных сил к объединению), фактор неэффективности социального контроля (способности власти подавлять антисистемное насилие)⁴⁸.

Ю.Гальтунг разделяет насилие на два вида: прямое или непосредственное, предполагающее субъекта насилия, и косвенное или структурное, когда такового нет. «Персонафицированному насилию присущи изменения и динамизм - это не только гребешки на волнах, но и волны в целом спокойной воде. Структурное насилие - тихое, оно не проявляется открыто, а является фактически неподвижным - это тихий омут»⁴⁹. Гальтунг строит модель политического насилия с помощью треугольника, образуемого переменными: противоречия, отношение, поведение. Противоречия - по сути, конфликт целей, отношение - напряженность в эмоциональных терминах, поведение - непосредственно угрозы и применение силы. Политическое насилие предстает в концепции Ю.Гальтунга как динамическое образование, где каждому из трансформируемых элементов соответствует свой вид насилия: прямое, структурное или культурное.

Концепцией аккумулирующей в себе этологический (или инстинктивистский) и бихевиористский подходы можно назвать позицию Э.Фромма. Агрессия понимается автором как ответ на угрозу, то есть действие, не подразумевающее инициацию насильственного акта. «Побудитель» (субъект насильственного акта) осуществляет некоторую

⁴⁸ Смелзер Н. Социология // СОЦИС. 1993. - №7. - С.112-121.

⁴⁹ Galtung J. Violence, peace and peace research. // Journal of Peace Research. 1969. Vol.6. №3. P.173.

деструкцию. Фромм называет оба этих вида агрессией (чем продуцирует терминологические неточности) и различает на основании приведенного выше определения два вида. Первый вид генетически заложен в человеке, как ответ на ситуацию, содержащую в себе угрозу жизни. Такая оборонительная (доброкачественная в терминологии Фромма) агрессия «служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность»⁵⁰. Противоположный вид агрессии (злокачественная) предполагает деструктивность и жестокость, характерную именно для человека и не имеющую биологического объяснения, а также четкой цели. Доброкачественную агрессию, как некоторый инстинкт или природное начало, можно сравнить с пониманием агрессии у Лоренца. Примечательным является то, что к доброкачественному виду Фромм также относит войну как «некий вариант косвенного протеста против несправедливости, неравенства и скуки»⁵¹. В целом, позицию Фромма относительно «синдрома» насилия можно обозначить как результат столкновения социальных условий и экзистенциальных потребностей человека, которое каузально объясняется нереализацией внутренней свободы и отказом от собственной уникальности. Насилие в данном случае выступает как некоторая экзистенциальная товарная марка человека.

Источником политического насилия в институциональном подходе (С.Хангтингтон) является разрыв между уровнем развития политических институтов и процессом трансформации экономической и социальной систем, что характерно для обществ, находящихся на переходном этапе развития. Это продуцируется несоответствием уровня политического развития темпам политической активности в обществе, где при оценке последней учитываются такие факторы как рост уровня образованности

⁵⁰ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. - М.: Республика, 1994. С. 22.

⁵¹ Там же. С.187.

населения, экономический рост, усиление роли СМИ и социальной мобильности. Так «экономическое развитие усиливает экономическое неравенство, а при этом социальная мобилизация подрывает его легитимность. Таким образом, оба эти аспекта модернизации вместе способствуют политической нестабильности»⁵², а значит, и росту уровня политического насилия. Методом предотвращения роста политического насилия служит усиление роли политических институтов.

Теория рационального выбора (Д.Гупта⁵³) рассматривает насилие как наилучший способ решения конфликта в рамках политического процесса. Однако участие в актах политического насилия служит не только благу общества с точки зрения «снятия» социальной напряженности, инициируемой конфликтом, но и позволяет участникам получить дополнительные блага, в том числе повышение статуса, общественной роли или материального благосостояния.

Насилие, как объективная данность, которую общество должно подавлять и контролировать, представлено в исследовании насилия Р.Жирана, а также в концепции З.Фрейда.

Жертвоприношение в первобытных обществах, по мнению Р.Жирана, играет роль переноса насилия, которое в ином случае грозит поразить само общество. Такая «заместительная» жертва позволяет временно снизить уровень внутреннего насилия путем переключения на приносимую жертву. Сама суть жертвоприношения находится в этом сдвиге или замене объекта, который скрыт с целью действительности этого акта. «“Хитрое” использование некоторых свойств насилия — в частности, его способности смещаться с одного объекта на другой —

⁵² Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 76.

⁵³ Gupta D. The Effect of Political Instability on Economic Growth. The Economics of Political Violence. – NY: Praeger, 1990.

скрыто за костной оболочкой ритуального жертвоприношения»⁵⁴. Насилие всегда нуждается в удовлетворении, так как без возможности разрядки происходит его количественное накопление, которое в конечном итоге эксплицируется вовне.

Ключевым в понимании насилия для Жирара является его соотнесенность с мезь. В современном обществе нельзя обнаружить обряды жертвоприношения, которые бы снижали уровень насильственного напряжения и блокировали бы мезь. Замещающим жертвоприношения становится система правосудия, рационализирующая в наказании завуалированную (кристаллизованную) мезь, основным свойством которой можно назвать одноразовость, не влекущую за собой порочный круг нового насилия. «Между состояниями ненасилия и насилия в первобытных обществах нет того автоматического и всемогущего клапана, каким служат наши институты, которые регулируют нас тем жестче, чем меньше мы помним об их роли»⁵⁵. Конец насилию невозможно положить без обращения к самому насилию. Этим тезисом Жирар сближается с теоретиками ненасилия, однако вывод делается прямо противоположный: ограничительные механизмы или “защитные клапаны”, служащие для сдерживания и контроля насилия, сами являются его орудиями, необходимыми в каждом обществе.

Рассмотрение позиции З.Фрейда в отношении насилия в соотнесенности с критикой Р.Жирара открывает новые исследовательские перспективы. Если для Фрейда все движущие мотивы, так или иначе, связаны с либидо, то для Жирара таковым мотивом является насилие, которое первично, в том числе, и по отношению к сексуальности. Полемика ведется Жираром не только по отношению к индивидуальному насилию Фрейда, но и к коллективному насилию Ницше.

⁵⁴ Жирар Р. Насилие и священное. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.30.

⁵⁵ Там же. С.31.

В концепции Ницше Жирара привлекает понимание того, что насилие мифов и ритуалов и насилие евангельских страстей имеет одну и ту же природу коллективного насилия, но с различной интерпретацией. «Дионис против “распятого”»: вот где противостояние. Разница между ними кроется не в самом мученичестве, а в его смысле. В одном случае сама жизнь, ее вечная плодovitость и вечное возвращение, определяет мучение, разрушение, желание уничтожить. В другом случае страдание, “распятие” невинного используется как аргумент против жизни, как формула ее проклятия»⁵⁶. Различие интерпретации такого типа насилия предполагает и различие позиций по отношению к жертве: дионисийское одобрение и евангельское отвержение. Ницше в христианском неприятии усматривает ресентимент, с чем не согласен Жирар. Он, однако, оправдывает критику «заботы о жертвах», так как она не позволяет отойти от христианства и перейти от упадка к прогрессу⁵⁷.

Утилитаристская концепция насилия, трактующая данный феномен как благо для большего количества людей, представлена в воззрениях Н.Макиавелли. В трактате «Государь», где данный феномен рассматривается наиболее полно, насилие не несет в себе яркий негативный оттенок и не оценивается в терминах морального зла. Предваряя анализ насилия в концепции Макиавелли, следует упомянуть взгляды автора на человеческую природу. Человек, согласно его этической доктрине, изначально склонен к эгоизму, что не может не сказываться на государственном и общественном устройстве. Именно для контроля/борьбы с этой природной сущностью и необходимо использовать насилие, которое не принимает форму преступной деятельности, а держится исключительно в рамках «государственного насилия». Рассуждая о качествах, необходимых правителю, Макиавелли следующим образом

⁵⁶ Ницше Ф. Письма. - М.: Культурная революция, 2007. С.45.

⁵⁷ Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. - М.: ББИ, 2015. С.180.

анализирует антагонизм милосердия/жестокости: «... государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица»⁵⁸. Таким образом, насилие оправдывается с помощью отсылки к благу большего числа людей, а сущностно благодаря государственному благу. Подобная «легитимация» насилия как средства политической власти не оправдывает его с точки зрения насилия как самоцели. Макиавелли считает насилие лишь способом «исправления» той или иной политической ситуации в крайних случаях (а исторические реалии Италии того времени можно отнести к таковым) и только на благо народа, без стремления к укреплению тирании. «Поистине государь, ищущий мирской славы, должен желать завладеть городом развращенным - не для того, чтобы его окончательно испортить, как это сделал Цезарь, но дабы, подобно Ромулу, полностью преобразовать его»⁵⁹.

Легитимное насилие является каузальным продолжением утилитаристской теории. Позиция рассмотрения насилия как средства удержания власти поддерживалась и М.Вебером. Однако, немецкий социолог интересен не как еще одно имя в классификации распространенных подходов к насилию, а как инноватор в области выявления связующих элементов насилия и государства. Это сделано на основании анализа концептов власти и легитимности, где легитимность является «сопровождающей» социологической характеристикой власти,

⁵⁸ Макиавелли Н. Государь. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt> (Дата обращения: 22.02.2017)

⁵⁹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. [Электронный ресурс] URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/livij.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 08.01.2017).

предоставляющей ей монополию на насилие. Легитимность подразумевает признание власти на основании ее происхождения и способов функционирования, которые обеспечивают согласованные схемы действий и принятия решений в государственных структурах, а также активные внешние социальные отношения. «Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области - область включается в признак - претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство»⁶⁰. Легитимное насилие предстаёт не просто как признак государства, но и как его обязательное и неотъемлемое свойство. «... обращение к насилию и средствам принуждения ... свойственно каждому политическому союзу»⁶¹. В определении насилия Вебера есть и социальный оттенок, которой придается за счет апелляции к господству одних людей над другими: «государство ... есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство»⁶².

К.Ясперс выступает как последователь идей Вебера по отношению к легитимному насилию, развивая его мысль в «Духовной ситуации времени». Следствием присвоения государством монополии на легитимное насилие стало «...исключение применения насилия из человеческого существования <...> и рост насилия в единственном месте,

⁶⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. С. 645.

⁶¹ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. С. 318.

⁶² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. С. 646.

чье существование подчеркнуто выражает, что без насилия или возможного насилия существование людей невозможно»⁶³. Такая миграция насилия и обнажение места его дислокации позволяет говорить не только об изменении степени концентрации этого субстрата, но и о модификации восприятия индивида в качестве субъекта, который трансформируется в «средство технического осуществления насилия»⁶⁴.

К концепциям, рассматривающим насилие как неотъемлемую составляющую политической системы можно отнести и позицию Раймона Арона. В контексте анализа системы международных отношений в политическом дискурсе Р.Арон исходит из концептуального разграничения могущества и силы, где за первым закрепляется динамичное, деятельностное содержание, присущее отношениям, а второму приписывается средственный аспект орудий или вооружений. Автором также анализируется могущество, как основное понятие, где сила выступает как один из его возможных коррелятов.

Насилие в политологической концепции Арона имеет главенствующее значение, выступая как некоторый системообразующий феномен. «Политические объединения, конституционные режимы обязаны своим происхождением насилию»⁶⁵. Имеется в виду то количество войн и революционных действий, которые привели к «настоящему» «процветающему» объединению. Однако, по мнению Р.Арона, современная ситуация в международных отношениях скорее описывается восклицанием: «Ты не посмеешь меня принудить!», которое не столько выражает большую направленность на угрозу, чем на реальное действие, сколько демонстрирует тотальность такой дипломатии, использующей как

⁶³ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат. 1991. С. 339.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Арон Р. Мир и война между народами. - М.: NotaBene, 2000. С.100.

политические, так и экономические, и психологические методы, всегда подразумевающие насилие в различной степени его проявления.

«Я буду различать символическое насилие и подпольное, или рассеянное насилие. Символическое выражается в том, что уже получило название дипломатии канонерок»⁶⁶. Символическое насилие разрастается там, где для подчинения другого достаточно символа без применения силы (сила выступает как некоторая демонстрация). «Подпольное насилие - всякого рода покушения, совершаемые тайно - всегда рассеянно; рассеянное насилие со стороны партизан совершается открыто»⁶⁷. Такое подпольное насилие может быть отнесено к теневой политике как на государственном, так и на общественном уровне. Наиболее существенным в позиции данного автора видится тезис о необходимости насилия в политическом дискурсе как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Т.Гоббс, также обращаясь к анализу политического организма, выделяет догосударственное «естественное состояние» людей, в рамках которого они выступают как равные существа, склонные к удовлетворению своих эгоистичных интересов. Государство (как результат добровольного соглашения или как результат завоевания) есть способ борьбы с состоянием «войны всех против всех». Насилие же в этом естественном состоянии является средством. Таким образом, насилие превращается из естественного и деструктивного в созидательное и регулирующее государственное насилие, поскольку «должна быть какая-нибудь принудительная власть, которая угрозой наказания, принуждала бы

⁶⁶ Там же. С.111.

⁶⁷ Там же. С.111.

всех в одинаковой мере к выполнению соглашений»⁶⁸. Из этого можно заключить, что насилие выступает гарантом сохранения государства.

Субъектный подход к пониманию насилия характеризуется разделением между насилием и властью на основании действующих субъектов. Действия народа или общества по отношению к легитимным структурам маркируются как насилие, в то время как симметричные действия легитимных структур могут быть названы проявлением власти или силы. К авторам, так или иначе, разделяющим данный подход можно отнести Ж.Сореля, М.Бакунина, К.Маркса и Х.Арендт.

Так, в «Размышлениях о насилии» Ж.Сореля вопрос терминологии разделения предметных областей силы и насилия разрешается дифференциацией посредством действующих лиц (власть и повстанцы). «Тогда мы можем сказать, что сила имеет целью установить социальный порядок, основанный на власти меньшинства, а насилие направлено на уничтожение этого порядка»⁶⁹. Сорель настаивает на необходимости социальной катастрофы и насилия, где понятийно насилие исключается из контекста государства и власти (то есть легитимных властных институций). Любое участие в действии данных структур не соотносится с главной задачей пролетариата, которая заключается в обострении общественных противоречий. Насилие, по сравнению с силой, оценивается положительно, так как является прямым действием, ведущим к разрушению старого порядка. Однако, волевой порыв, выражающийся в борьбе, невозможен без объединения людей, которое достигается посредством мифа. Насилие как раз и выступает таким «объединяющим» мифом.

⁶⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. — М.: Директ-Медиа, 2002. С. 220.

⁶⁹ Сорель Ж. Размышления о насилии. — М.: Фаланстер, 2013. С.170.

Миф находится на границе рационального и нерационального, служит скрепляющим элементом реальности и идеи. Он также является основным средством мобилизации масс. Но миф следует понимать не только как активатор мобильности, но и как базисный элемент общественного устройства, которое основывается на некоторой группе образов (мифов) и собственно мобилизации, как воли народа. Однако не следует трактовать миф как опору определенной доктрины. Он резко противостоит теоретическим конструкциям и реализует свою потенцию исключительно в действии.

Если рассматривать насилие на уровне социального, то следует упомянуть два положения, которые являются базисом для данного концепта: это идеи пролетариата, как собственника насилия, и всеобщей стачки, как основного метода. Стачка, по мнению Сореля, имеет множество общих черт с войной. Одной из них может выступать отсутствие ненависти и мстительности. Уничтожение другого, в смысле его физического истребления, не является сущностью насилия, а выступает как его побочное следствие. Итак, в концепции Сореля насилие рассматривается как средство противостояния врагу и мотивация к действию.

Подобным образом трактует насилие и Карл Маркс. Для него «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁷⁰. Данную цитату можно интерпретировать с точки зрения определения насилия как средства построения нового общества и государства. Но насилие рассматривается как средство не только в политическом дискурсе, который для Маркса является побочным, но и в экономическом, где «насилие есть экономическая потенция»⁷¹,

⁷⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://libelli.ru/works/kapital/24.htm> (дата обращения: 06.01.2017).

⁷¹ Там же.

обеспечивающая один класс средствами производства, на основании которых строится его господство и принуждение другого класса. Одним из самых концентрированных видов насилия является государство, которое использует политическое насилие как средство управления.

К определению насилия в его корреляции с политическим обращается и Х.Арендт. В своем эссе «О насилии» она исходит из тезиса о недифференцированности власти и насилии в современном теоретическом (как политологическом, так и философском) аппарате. Одним из первых различий, приводимых автором, являются средства, используемые властью и насилием: власть держится на поддержке народа, в то время как насилие может быть осуществлено только за счет орудий. Причиной терминологической неточности среди понятий власть, мощь, сила, авторитет и насилие Арендт называет одну и ту же функцию, которую они в себе несут, что, однако, не означает их сущностной (феноменологической) идентичности.

Насилие рассматривается Арендт в его инструментальном качестве. Сущностно данный феномен близок к мощи и проявляется как результат ее наращивания, ее верхняя точка. «...поскольку орудия насилия, подобно всем другим орудиям, создаются и используются с целью умножения естественной мощи, пока на последней стадии своего развития не становятся способны ее, т. е. мощь, заместить»⁷².

Подобное терминологическое определение рассмотренных феноменов акцентирует внимание исключительно на внешних свойствах и характеристиках, сущностно не определяя их. Так, наибольшие вопросы возникают относительно разграничения понятий власть/насилие. Арендт специфицирует власть за счет ссылки на народ и его представительство, что в рамках рассматриваемой концепции позволяет маркировать данный феномен исключительно как политический. Однако комментарий

⁷² Арендт Х. О насилии. – М.: Новое издательство, 2014. С.54.

относительно понятийной близости словосочетания «властный человек» и понятия «мощи» вызывают некоторые сомнения. В русском языке мощь может быть определена как «сила или мощность» и не имеет четкой ориентации на другого. В то время как «власть» даже рассмотренная вне политического дискурса подразумевает подчинение воли другого. Определение насилия, связанного с мощью, искусственно сужает данный феномен, низводя его до уровня инструмента власти, главенствующим фактором которого является поддержание или установление некоторой системы, то есть некоторым образом радикальная демонстрация независимости.

В теории социального конфликта, представленной Р.Дарендорфом, конфликт каузально возможен благодаря различию социальных ролей и властных полномочий, и может быть решен посредством формирования квази-групп, их дальнейшей кристаллизации и трансформации в группировки, с формированием последующей идентичности каждой из сторон. Две определяющие независимые переменные конфликта - интенсивность и насильственность. Вектором насильственности определяется форма конфликта, то есть те средства, которые используются для осуществления своих интересов. «...некоторые пункты на шкале насильственности: война, гражданская война, вообще вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, вероятно, обозначают один полюс; беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией — другой»⁷³. Конфликт в обыденном понимании определяется как столкновение, облеченное в форму крайней степени насильственности. Подобное понимание конфликта отсылает к трактовке феномена насилия как фактора сплоченности в концепциях Маркса и Сореля, рассмотренных ранее.

⁷³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143.

Отталкиваясь от зиммелевской интерпретации конфликта как необязательно дисфункционального социального процесса, а скорее способствующего образованию и стабилизации группы, Л.Козер приходит к выводу, что конфликт не только влияет на образование группы, но и поддерживает ее границы и самоидентичность. Если говорить, про интериоризацию, то взаимодействие с другими группами упрочняет ее идентичность. «Характерные структуры враждебности и взаимные антагонизмы помогают сохранять социальные разделения и системы стратификации. Такие устойчивые структуры антагонизмов предотвращают постепенное размывание границ между группами в социальной системе и закрепляют определенное положение различных подсистем внутри системы в целом»⁷⁴.

Таким образом, конфликт понимается как некоторая функциональная часть социальной системы, которая помогает членам группы экстериоризировать собственную враждебность и недовольство. Однако, со структурной точки зрения, конфликт не является хаотичным социальным образованием. Для стабилизации враждебных эмоций создаются особые институты, именуемые автором «защитными клапанами». «Они предоставляют как замещающие объекты, в отношении которых допустимо выражение враждебности, так и средства такого выражения»⁷⁵.

К рассмотрению насилия в теории конфликта также можно отнести работу «Человек как враг» Г.Зиммеля, где враждебность, также как и симпатия, выступают как естественные и исторически обусловленные состояния. Причем, характерным для вражды является проекция причины на другой объект и как следствие сублимационный характер действия: «...что невозможно правильно понять, является ли мнимый предмет спора

⁷⁴ Козер Л. Функции социального конфликта. - М.: Идея-Пресс, 2000. С.59.

⁷⁵ Там же. С.71.

его действительным поводом или всего только выходом для уже существующей вражды»⁷⁶. Это отсылает к уже упоминаемой концепции фрустрационного подхода, где насильственные действия сублимируются и воздействуют на вторичную причину или направлены на некоррелируемый побочный объект.

Основным тезисом Т.Адорно является насильственный характер подчинения элементов (или частного) целостности (или общности). Целое подавляет элементы посредством нивелирования инаковости или особенности единичного до полной тождественности. Такое принуждение связывается с понятийным опосредованием, которое моделирует в том числе и социальную действительность. «Противоречие типа противоречия между определением, которое индивид знает как дефиницию самости, как свое собственное, и определением, которое навязывается ему обществом, – определением "роли", невозможно привести к единству без манипуляции, промежуточных коммутаций скудных поверхностных понятий, которые умеют преодолевать существенные различия»⁷⁷. Пример противоречия приводится автором и в отношении экономики и принципа обмена, который как способствует прогрессу и развитию общества, так и уничтожает его. Анализ Освенцима, как крайней формы и степени насилия, приводит к выводу (подтверждению тезиса) о действительной взаимообусловленности векторальной направленности тождественности мышления и насилия. «Освенцим утвердил философу чистой тождественности, которая есть смерть»⁷⁸.

Еще одним подходом антропологической направленности интерпретации насилия может быть назван экологический подход,

⁷⁶ Зиммель Г. Человек как враг // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. -М.:Юристь, 1996. С. 503.

⁷⁷ Адорно Т. Негативная диалектика. - М.: Научный мир, 2003. С.140.

⁷⁸ Там же. С.323.

представленный Роем Раппапортом⁷⁹, который выявляет корреляцию между состоянием человеческих коллективов и доступностью природных ресурсов на примере Новой Гвинеи, где увеличение населения имеет следствием конфликты, основанные на стремлении получения земли, доступной для жизни.

Постструктуралисты, хоть и не работают в терминах насилия существующих дискурсов и систем, но, тем не менее, затрагивают эту проблематику. Так, в статье «Порядок дискурса», М.Фуко описывает различные способы исключения из дискурса и выделяет следующие из них: запрет, разделение и отбрасывание, а также оппозиция ложного и истинного. Несмотря на существование различных способов исключения, наиболее фундаментальным выступает оппозиция истинного и ложного, и присущая ей «воля к истине». Воля к истине не является маргинальной социальной сущностью, а имеет свою опору в институциональной поддержке, среди которых можно указать на пласт определенных практик: система книг, библиотек, научные сообщества, лаборатории, а также педагогика. Последнее позволяет провести параллель с концепцией П.Бурдьё, где система образования, а также педагогика, как ее несомненная составляющая, представляют один из наиболее существенных ариалов символического насилия, продуцируемого посредством навязывания культурной составляющей. Однако система образования как публичный институт несет в себе и политическое звено, оказывающее непосредственное влияние на дискурсивное пространство. «Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов - со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут»⁸⁰.

⁷⁹ Rappaport R. Ritual Regulation of Environmental Relations among a New Guinea People. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/3772735> (Дата обращения: 18.02.2017)

⁸⁰ Фуко М. Порядок дискурса.// Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. - М.: Касталь, 1996. С.74.

Также следует упомянуть о противоположном, всем рассматриваемым ранее концепциям, течении в понимании насилия - этике ненасилия. Наиболее яркими представителями, разрабатывающими данную проблематику, являются Л.Н.Толстой, И.Ильин, М.Ганди, М.Л.Кинг. При анализе взглядов этих мыслителей А.А.Гусейнов исходит из тезиса о том, что «этика насилия» изначально невозможна, и сама этика предстает как совпадающая по своему объему с ненасилием⁸¹. Это связано, по мнению автора, с синонимичностью ненасилия и добра, как центрального концепта любой этической системы. Ненасилие есть наиболее действенное средство борьбы за справедливость, которое преобразовывает как отдельного индивида, так и общественные институты. Таким образом, в этике ненасилия насилие маркируется как абсолютное зло (абстрактное этическое понятие), которое необходимо избегать всеми возможными средствами. Однако вопрос об интерпретации практического воплощения этики ненасилия исключительно как «ненасильственных» добродетельных действий остается дискуссионным.

После проведенного анализа существующих концепций насилия можно прийти к следующим выводам. В контексте данной работы не представляется возможным понимание насилия в терминах этологического или биологического подхода по причине приписанности феномена насилия исключительно другому, не пересекающемуся с этическим, дискурсу. Противоположная теория девиантного поведения, как отклонения от определенной нормы отсылает к строгой нормативности системы (психологической или социальной), где насилие маркируется с помощью несоответствия выделенной норме. Такой подход изначально ориентирован на негативное отношение к феномену, искусственно сужая его до рамок «осуждаемого». Более адекватным поставленным целям и задачам представляется рассмотрение насилия как разрыва между

⁸¹ Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–81.

статусом и реальным положением социальной группы. Однако данную теорию следует отнести скорее к причинам возникновения насилия, нежели к его сущностной характеристике. Соглашаясь с тем, что насилие коррелирует с социально-экономической и политической структурой каждого конкретного общества такое понимание насилия можно скорее маркировать как причины его п(р)оявления. Взгляды Э.Фромма на насилие остаются внутри личностной проблематики на стороне конкретного индивида, хотя и имеется некоторая связь с социальными условиями. Подобный взгляд не позволяет перейти на уровень этического, для которого необходим Другой или Иной. Институциональный подход, напротив, остается на макроуровне, не позволяя спуститься на уровень ниже. Теория рационального выбора, также как и иные утилитаристские (в грубом понимании узкого практицизма) версии сосредотачивают внимание на мотивации индивидов, обобщая моральную составляющую до эгоистического себялюбия.

Позиция Р.Жиара будет учитываться далее как один из способов функционирования насилия в социуме (замещающее свойство насилия, накопления, а также ограничительные механизмы). Рассмотрение власти как права нелегитимного насилия низводит его до средственного уровня, переводя проблематику в целе-средственное поле, что также относится и к концепции Х.Арендт. Теоретики постмодерна искусственно расширяют насилие, проецируя его на любой символический механизм. Существенным представляется позиция Арона, настаивающего на насильственном образовании всей политической системы. В субъектном подходе, отказывающим легитимным структурам в клеймении их действий как насильственных (за счет чего появляется некоторый «перекос», позволяющий трактовать насилие исключительно как «незаконное» поведение), примечательным является сепарирование Сорелем насилия и ненависти к объекту насилия, что вызывает аллюзию на концепты войны и

врага, имеющие схожие черты. Анализ насилия в теории конфликта происходит на основании крайнего несогласия нескольких сторон, что очерчивает поле реализации насильственных актов исключительно как рациональных действий в сфере борьбы за собственные интересы. К схожему выводу стремится экологический подход.

Таким образом, понятие насилия даже в политическом дискурсе остается в сфере нормативного, так как включает в себя и «духовные» элементы в виде угрозы насильственных акций. Насилие определяется как принуждение свободной воли без принятия, принуждаемого воздействия. Разграничение между силой и насилием проводится на основании направленности, где сила выступает как потенция, а насилие - реализация. Не стоит также противопоставлять разум и насилие, так как в некотором роде «вызов насилия бросают тем, кто может ответить на него с честью»⁸².

1.2. Классификации насилия: конфигуративность и разноуровневость.

Проблема классификации насилия, решение которой необходимо в рамках формирования методологии изучения данного феномена, поднимается в различных научных дискурсах. Так, в словаре политологии выделяются следующие виды насилия: государственное и оппозиционное, единичное и массовое, внешние и внутренние войны, а также революционное, этническое, геноцид и этноцид, бунты, восстания, перевороты, путчи⁸³. Принадлежность к тому или иному выделенному виду определяется на основании субъекта (государственное, революционное, единичное) или объекта (геноцид, восстания) насилия. Превалирует склонность к субъектному основанию разделения.

⁸² Капустин Б. К понятию политического насилия. Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 24.

⁸³ Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий. - М.: Знание России, 1993. С. 86.

К классификациям насилия можно причислить и рассматриваемую ранее позицию Ю.Гальтунга относительно непосредственного и структурного насилия, разделяемого на основании при(от)сутствия субъекта.

Психолог С.Фешбах⁸⁴ классифицирует агрессивное поведение (= насилие) на основании трех функций: враждебной (главное - причинение вреда), инструментальной (решение собственной проблемы), экспрессивной (форма выражения себя). Первостепенным, с точки зрения обозначенной задачи исследования, является выделение экспрессивной функции насилия, которая посредством экстернализации субъекта насилия предполагает существование Другого в пространстве репрезентации.

Т.Гарр разделяет государственное насилие, которое направлено на поддержание самой системы, и насилие, где государство является объектом насилия, в рамках которого современные страны имеют тенденцию к внутренним войнам, заговорам и беспорядкам, где войны и беспорядки отличаются по степени организации, а войны и заговоры размером масштабности⁸⁵.

В статье «Типология политического насилия»⁸⁶ представлен многоаспектный анализ политического насилия. Данный феномен классифицируется по различным основаниям: сфера действия (внутреннее или межгосударственное насилие), субъект насилия (государственное и негосударственное насилие), степень организованности (стихийное и структурированное насилие), количество участников (индивидуальное, коллективное, массовое насилие), мотив (оборонительное и агрессивное/

⁸⁴ Feshbach S. The function of aggression and the regulation of the aggressive drive. *Psychological Review*, Vol. 71, 1964. P. 257–272.

⁸⁵ См. Гарр Т. Почему люди бунтуют? - СПб.: Питер, 2005. С.423.

⁸⁶ Пиджаков А.Ю., Решецкий Ф.Н., Байра Ш.Б. Типология политического насилия. [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/2-2009/3937-tipologija-politicheskogo-nasilija.html (Дата обращения 18.03.2017)

наступательное насилие), масштаб актов (единичное и массовое насилие), интенсивность (высокая, средняя, низкая), социальная принадлежность субъекта (социально-классовое, этническое и религиозное насилие), социальные последствия (реформистское, радикальное и консервативное насилие), способ воздействия на объект (демонстративное и инструментальное насилие), средства (вооруженное и невооруженное). Однако, следует отметить, что несмотря на обширность рассматриваемых видов, данная типология не задает сущностные характеристики анализируемого феномена, отражая лишь его внешние атрибуты.

В.Беньямином, в качестве исходной точки «Критики насилия», выделяется право на забастовку, делегируемое организованному рабочему классу как один из современных (для автора) способов реализации права на насилие. Однако право на забастовку имеет двойную трактовку: со стороны государства и рабочего класса. Для государства «речь идет не о праве на насилие, а скорее об ограничении опосредованного насилия со стороны работодателя»⁸⁷, то есть о некотором отчуждении от работодателя в терминологии собственных прав. Если обращаться к точке зрения рабочих, то для данного класса забастовка представляет насилие как средство для достижения определенных целей. Столкновение этих двух интерпретации со стороны власти и «управляемых» достигает наивысшей степени интенсивности в трактовке революционной забастовки, по отношению к которой рабочий класс апеллирует к легальности проведения подобных актов, государство же ссылается на расширительное понимание забастовок и занимает по отношению к ним враждебную позицию, которая, безусловно, связана с угрозой его собственного существования.

Определение насилия звучит следующим образом: «...любое поведение, когда оно активно, следует называть насилием, если оно

⁸⁷ Беньямин В. К критике насилия// Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. Сб. статей. - М.: РГГУ, 2012. С.72.

осуществляет предоставленное ему право, чтобы свергнуть правопорядок, дающий ему же это право, когда же оно пассивно, его также следует называть насилием, если оно — в смысле представленного выше соображения — является шантажом»⁸⁸. Следует особо отметить, что автор опровергает понимание насилия исключительно как феномена несущего некоторый «грабительский» оттенок, подрывающий существующий правопорядок. Наряду с подрывом существующей системы насилие также устанавливает и модифицирует правовые отношения. Именно правоустанавливающий характер насилия и вызывает страх со стороны государства. В противоположность правоустанавливающему насилию выделяется правоподдерживающее, определяемое посредством ссылки на принуждение. «Принуждение состоит в применении насилия как средства для достижения правовых целей»⁸⁹. Правоподдерживающее насилие связано с угрозой.

Переплетение этих видов насилия обнаруживается в смертной казни, которая несмотря на правоподдерживающую функцию, также склонна к правоустанавливающей деятельности благодаря силе утверждения права через власть над жизнью и смертью. Но более явное «противоестественное» сочетание демонстрируется Беньямином на примере института полиции, где отсутствует разделение двух обозначенных выше видов насилия. «Если в отношении правоустанавливающего насилия выдвигается требование победоносно утверждать себя, то правоподдерживающее насилие подлежит ограничению: оно не должно определять для себя новые цели»⁹⁰. Именно эти условия не выполняются в случае полиции, что позволяет говорить об аморфности, поскольку любое насилие, используемое как средство должно

⁸⁸ Там же. С. 73.

⁸⁹ Там же. С. 75.

⁹⁰ Там же. С. 78.

иметь либо правоустанавливающий, либо правоподдерживающий статус. В ином случае его следует признать бессильным.

Существенным для данной работы является вывод Бенъямина о том, что кажущаяся дихотомия насилия с точки зрения связи с правовой системой имеет скорее смысл диахронии или того, что называется «законом колебания». Правоподдерживающее насилие в своей попытке контрнасилия правоустанавливающего характера, подрывает его в самом себе.

Классификация насилия только с точки зрения средства, в концепции Бенъямина, не является полной. Дополняющей функцией насилия можно назвать манифестацию, выраженную в мифическом и божественном насилии. Мифическое насилие берет свое начало в древнегреческой мифологии, где насилие не является разрушительным и сближается с правоустанавливающим. «Правоустановление является установлением власти, и в этом отношении оно есть акт непосредственной манифестации насилия»⁹¹. Противостоящее ему божественное насилие - правоуничтожающее, разрушающее, устанавливаемое мифическим насилием пределы, и искупающее вину и грех. Фокус кровавого мифического насилия направлен на жизнь, в то время как для божественного это субъект жизни, сам живущий. Одна из форм божественного насилия - воспитание, которое не несет в себе непосредственной корреляции с правовой системой.

С.Жижек выстраивает собственную концепцию насилия в том числе и на основании анализа феномена насилия, проведенного В.Бенъямином. Жижек задается вопросом, есть ли в концепции божественного насилия скрытое указание на рессентимент, который раскрывается в несколько иной, по сравнению с ницшеанской, трактовке: как упорствование «в

⁹¹ Там же. С.90.

беспрестанном обличении несправедливости»⁹² и дополняет триаду наказание/возмездие - прощение - забвение. Чистое божественное насилие в лице убийства не попадает ни под объяснительную слабость личной идиосинкратической патологии, ни под классификацию преступления, ни под маркировку сакральной жертвой. Ошибочно относить этот вид насилия к религиозной проблематике или этическому закону высшей справедливости. Божественное насилие выносит человека за границы закона, поскольку превышает измерение обычной естественной жизни. «Божественное насилие — выражение чистого порыва, неподвластности смерти, это превышение жизни, которое обрушивается на «голую жизнь», регулируемую законом»⁹³.

Существующая оппозиция между мифическим и божественным насилием выражается в терминах средства и знака. Мифическое насилие устанавливает некий социальный порядок с помощью всеобщего Закона как средства. Божественное насилие - знак этической «расшатанности» мира, не нуждающийся в средствах, и не имеющий глубинного смысла.

Исходя из предыдущих тезисов, логичным выводом будет презентация мифического насилия как порядка Бытия (его устанавливающего и гарантирующего), а божественного как принадлежащего Событию, то есть выходящему за рамки установленных норм и порядков. «...то, что посторонний наблюдатель сочтет чистым взрывом насилия, может быть божественным для тех, кто в этот акт вовлечен — нет большого Другого, кто гарантировал бы божественную природу насилия, и риск интерпретации его как божественного целиком ложится на плечи субъекта»⁹⁴. Таким образом, божественное насилие внеморально вследствие своего «непересечения» с большим Другим.

⁹² Жижек С. О насилии. - М.: Европа, 2010. С.146.

⁹³ Там же. С. 153.

⁹⁴ Там же. С. 154-155.

Онтически это проявляется через немедленную реакцию на ситуацию, требующую правосудия или мести, субъектом, который внеположен структурированному социальному дискурсу.

В рамках собственной классификации насилия Славой Жижек выделяет три наиболее существенных вида: субъективное (непосредственное или явленное), символическое и системное (или объективное) насилие, различание которых основывается непосредственно на онтологических качествах и способах функционирования. Субъективное насилие, являясь «зримой вершиной» данного треугольника, включает в себя (корректнее сказать базируется на) два других вида. Символическое насилие выражается в языке и формах, которые образуют определенное структурированное поле, не пускающего индивида за (не дающее увидеть) свои границы. Дом бытия в качестве источника насилия не является надуманным и чрезмерно расширенным пониманием данного феномена, по мнению Жижека, а служит его базисным основанием, или одной из причин проявления субъективного насилия.

Системное насилие связано с непосредственным действием экономических и политических систем. Такой вид насилия, называемый иначе объективным, выступает в тесном сотрудничестве с субъективным насилием, которое становится видимым только на ненасильственном нулевом уровне. «Объективное насилие невидимо, поскольку оно поддерживает тот самый стандарт нулевого уровня, благодаря которому мы воспринимаем нечто как субъективное насилие»⁹⁵. К разновидностям системного насилия относятся как и прямое физическое насилие, так и формы принуждения, поддерживающие отношения господства, в том числе угрозы насилия. Опасность системного насилия - в невозможности приписанности конкретному агенту, в маске анонимности. Жижек объясняет такую двойственность с помощью ссылки на лакановское

⁹⁵ Там же. С. 6.

разделение реальности и Реального, где реальность есть непосредственная социальная реальность (совершаемые насильственные акты, поражающие жестокостью), а Реальное - абстрактная логика действия реальности (объективное системное насилие). «Социально-символическое насилие в чистом виде проявляется в своей противоположности как самопроизвольность среды, в которой мы живем, как воздух, которым мы дышим»⁹⁶. Те, кого Жижек называет «либеральными коммунистами» (некий новый класс, иначе называемый богемной буржуазией, с акцентом на тот или иной признак) и популяризированные медийными средствами яростные фундаменталисты является сторонами одной медали, где первые создают благоприятную среду для действий вторых.

В качестве примера символического насилия Жижек апеллирует к реакции мусульманской общественности на карикатуры на Мухаммеда, опубликованные в 2005 году в датской газете. В реакции исламистов происходит некоторая подмена или замещение: возмущение вызвали не сами карикатуры, а фигура или образ Запада, который стал их источником. Методика символизации чего бы то ни было несет в себе насильственный аспект. Вещь, определяемая посредством языка, упрощается, искусственно сводясь к какой-либо специфической черте, что представляет это свойство как существующее самостоятельно, вне целого самой вещи. Та область значения, которая ей приписывается, является внешней для вещи. Однако, насильственный характер по отношению к определению насилия в вербальном аспекте не есть вторичное искажение, а может быть определен как основное средство любого вида насилия. «Сама по себе реальность в своем глупом присутствии никогда не бывает невыносимой: такой ее делает язык, его символизация»⁹⁷.

⁹⁶ Там же. С. 32.

⁹⁷ Там же. С. 55.

Вопрос символического измерения (в том числе, и в контексте анализа феномена насилия) тесно связан с разделением означающего и означаемого, где ошибочным является полагание того, что «означающее обязано оправдать свое существование ссылкой на какое бы то ни было значение»⁹⁸. Между означающим и означаемым существуют некоторая преграда, нуждающаяся в преодолении, работать с которой удобнее всего посредством языка (или лингвистики/лингвистики). Легитимность подобного подхода основывается на следующем: означающее структурно однородно языку, что достигается благодаря их артикуляции, понимаемой как синхроническая система входящих в их состав единиц или элементов. Таким образом, необходимость анализа символического насилия задает вектор некоторой лингвистической направленности.

На основании проанализированных классификаций насилия как многоаспектного феномена, можно сделать вывод о том, что внешние атрибуты насильственных актов, такие как количество участвующих, их религиозная или этническая принадлежность, вооруженность участников, позволяя методологически работать с данным феноменом, оставляют исследователя на самом верхнем «видимом» уровне субъективного насилия. В то время как объективное (или системное) и символическое насилие, являющиеся базисом для надстройки субъективного, остаются неявленными. И если мифическое насилие устанавливает социальный порядок, то божественное насилие является Событием, которое демонстрирует неидеальность и подрываемость этого порядка. Такая классификация насилия выходит за рамки субъективного и предоставляет возможность более полного анализа исследуемого феномена.

Интересным представляется возможная связь насилия и коммуникации. Символическое насилие, наиболее полное воплощение

⁹⁸ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. Московский психотерапевтический журнал. 1996. №1. С. 33.

которого можно обнаружить благодаря языковой составляющей, позволяет предположить возможную связь этого феномена с коммуникацией.

Глава 2. Классификационный анализ коммуникации как способ выявления корреляции с феноменом насилия

2.1. Теоретические модели и функциональная составляющая коммуникации.

С точки зрения теоретико-методологического подхода, исследования в области политико-социального анализа применительно к феномену коммуникации обладают некоторой дуалистичностью. С одной стороны, изучение политической сферы невозможно без обращения к коммуникативной составляющей: прояснения категориального аппарата и структуры коммуникации (Г.Алмонд, Д.Истон, Т.Парсонс, М.Н.Грачев). С другой стороны, обращение к коммуникации в социально-политическом поле всегда есть обращение к политической коммуникации (М.М.Бахтин, Г.Г.Почепцов, Г.Лассуэлл, М. Маклюэн, Ю.Хабермас и др.). Таким образом, коммуникация на уровне публичного всегда есть коммуникация политическая, и в то же время, само политическое не может существовать без коммуникации.

Если перенести фокус рассмотрения в исторический контекст, то начиная с античности исследователи, работающие в социально-философской проблематике, обращались к анализу коммуникации в политической сфере. Так, Аристотель выявил коммуникационный аспект политической деятельности, рассматривая ее как «общение» направленное на высшее благо. В эпоху Возрождения проблема воздействия (коммуникации) правителя на модели поведения и «настроения» граждан получила свое развитие в сочинениях Н.Макиавелли. Новое время характеризуется смещением фокуса рассмотрения с прямой коммуникации между правителем (государством) и гражданами на опосредующие

факторы данного взаимодействия, что связано с развитием печатного дела. Т.Гоббс выступал за необходимость борьбы с той информацией, которая может привести к распаду государства или повредить ему. Противоположной точки зрения придерживались Ш.Л.Монтескье, Дж.Локк, Дж.Ст.Милль. Во второй половине 19 века наиболее влиятельным становится марксистское учение, где коммуникация играет скорее инструментальную роль, в то время как ее предпосылки и векторы направленности выражают интересы определенного класса. Особый вклад в развитие понимания политической коммуникации не только как информационного обмена внесли такие социологи как М.Вебер, Т.Парсонс и П.Сорокин. Начало систематического изучения процессов политической коммуникации ознаменовывается работой Г.Лассуэлла, посвященной анализу пропаганды времен первой мировой войны.

Однако, обилие и разнообразие подходов к пониманию коммуникации (в том числе и политической) лишает возможности детализированного анализа каждой из них в рамках данной работы. Поэтому методологически корректным видится обращение к концепции Р.Т.Крейга, предлагающей одну из наиболее системных классификаций коммуникации. «Теория коммуникации как области знания» задает единые координаты для рассмотрения различных концепций. Проблема множественности и не структурированности подходов (междисциплинарность) к исследуемому феномену возникла на основании происхождения коммуникативной науки независимо друг от друга в различных дисциплинах. В этом смысле можно говорить о том, что коммуникацию следует определять не как единый концепт, а как «семью» различных понятий. Тем не менее Крейг выделяет два базисных подхода: трансмиссионный и конститутивный, которые, несмотря на кажущееся противоречие, дополняют друг друга. В трансмиссионной модели коммуникация понимается как «процесс отправления и получения

сообщений, или передача информации от одного лица другому»⁹⁹. Такая модель не охватывает полностью коммуникацию в ее концептуальной сложности по причине невключенности процесса производства общих смыслов. Конститутивная модель является метамоделью, которая образует концептуальное пространство, в рамках которого возможно существование различных теорий коммуникации. Это метамодель второго порядка, где моделью первого уровня выступает трансмиссионная (как одна из возможных). «Конститутивная метамодель представляет модели коммуникации как разные способы организации коммуникативного процесса символически с определенными целями»¹⁰⁰.

Автор указывает на практическое значение теорий коммуникации, которое основывается на исторической и культурной укорененности, и выражается в степени общественного влияния, в частности «службе интересам» определенного слоя. Но это не единственная практическая составляющая данного феномена. Если рассматривать коммуникацию только в смысле объяснения собственного происхождения, то она предстает как интеллектуальный замкнутый на себе самом метадискурс. Чтобы разорвать этот круг, необходимо обратиться к практическому метадискурсу, встроенному в коммуникативную практику. Слитность практического и теоретического особенно ярко обнаруживается в следующем определении коммуникации: «... я рассматриваю теорию коммуникации как открытую область дискурса, занятого проблемами коммуникации как социальной практики, как теоретический дискурс, который возникает из практического, расширяет и обогащает его»¹⁰¹. Теоретический метадискурс следует понимать как собственно саму

⁹⁹ Крейг Р. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. - СПб.: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2003. С. 78.

¹⁰⁰ Там же. С.81.

¹⁰¹ Там же. С.84.

теорию коммуникации, в то время как практический метадискурс - способы обсуждения самой коммуникации. Теоретический аспект коммуникации не только происходит из практического, но и осмысливает его.

Крейг также строит классификацию теорий коммуникаций, где выделяет риторическую, семиотическую, феноменологическую, кибернетическую, социопсихологическую, социокультурную и критическую традиции.

Риторическая традиция, ведущая свою историю с древнегреческих софистов, представляет коммуникацию как практическое искусство разговора, включающего аспект аргументативной практики. Богатство исторического опыта этой традиции наделяет подобный подход убедительностью и легитимностью. Но сосредоточение внимания исключительно на практико-филологическом аспекте коммуникации не учитывает социальную и символическую составляющие.

Коммуникация как межсубъектное взаимодействие, опосредованное знаками, - трактовка семиотической традиции. Акцентируется использование языка, как одной из знаковых систем для репрезентации и передачи значений. Риторика и семиотика могут быть представлены одна посредством другой: риторика как часть семиотики, ориентированной на структуру языковых актов, опосредующих взаимодействие; семиотика как составляющая часть риторики занимается изучением составляющих риторических сообщений.

Синонимизируя коммуникацию с диалогом феноменологическая традиция выделяет существенную черту данного феномена - проживание иного опыта. Основоположники этой традиции - экзистенциальные и герменевтические феноменологи Э.Гуссерль, М.Бубер, Г.Гадамер¹⁰².

¹⁰² См. Гадамер Г. Язык и понимание. // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991. С. 43-59; Гуссерль Э. Картезианские размышления. - СПб.: Наука, 2001; Бубер М. Диалог. // Бубер М. Два образа веры. - М.: ООО Изд-во АСТ, 1999. С.122 -161.

Основным элементом, благодаря которому становится возможно взаимодействие (или коммуникация), является доверие. Именно доверительные отношения выступают главным связующим звеном между сторонами, что радикально отличается от семиотического главенствования знаков или их стратегического использования риториками. Схожесть семиотики и феноменологии в отношении коммуникации обнаруживается как попытка решения проблемы на межсубъектном уровне. Следует заметить, что рациональный, с обыденной точки зрения, подход теряет свою актуальность при попытке возрастания количества коммуникантов в некотором полилоге.

С индивидуализированными границами коммуникации радикально не согласна кибернетическая традиция, ориентированная на информационную составляющую управляемых систем, и сосредотачивающаяся на таких проблемах коммуникации как сбои в потоке информации, информационные перегрузки, несоответствие структуры функциям и т.д. В рамках данного подхода коммуникация предстает как система передачи информации в различных как живых, так и неживых технологических системах. Транслирование информационных потоков в виде ограниченных по объему сообщений хотя и является неотъемлемой частью коммуникации, тем не менее осуществляет деструкцию субъекта (и объекта) до чисто механического уровня.

Экспрессия, взаимодействие и влияние - основные составляющие коммуникации в социопсихологической традиции. «...процесс экспрессии, взаимодействия и влияния, процесс, в котором поведение людей или других сложных организмов отражает психологические механизмы, состояния и характерные черты в результате взаимодействия с подобной же выразительностью других индивидов, вызывает ряд когнитивных, эмоциональных и поведенческих эффектов»¹⁰³. Коммуникация предстает

¹⁰³ Там же. С.102.

как опосредованная установками, личностными особенностями, внутренними конфликтами и эмоциональными состояниями, которые модифицируются в рамках социального взаимодействия. Основной проблемой коммуникации в этой традиции предстает предсказуемость результата воздействия на причины поведения.

В социокультурной традиции коммуникация рассматривается как символический процесс, устанавливающий и поддерживающий определенные модели функционирования общества. Объясненные подобным образом создание и трансформирование социального порядка на макроуровне находят свое отражение и в процессах микроуровня, то есть в процессах непосредственного межличностного взаимодействия. Символические коды и средства коммуникации - необходимая составляющая существующего или (вос)производимого социокультурного окружения. Проблематичность социокультурной теории, на основании вектора решения которой проводится разделение на интеракционистские и структурные направления, заключается в балансе микро и макро уровней, производством (созданием) и воспроизводством, действием и структурой.

В концепции Г.Лассуэлла, относящейся к социокультурной традиции, коммуникация рассматривается с функциональной точки зрения, где вопросами дающими наиболее полное представление о ней являются «кто?» (анализ контроля), «что говорит?» (контент-анализ), «по какому каналу?» (анализ медиа), «кому?» (анализ аудитории) и «с каким эффектом?» (анализ эффектов). Наиболее существенными являются следующие функции коммуникации: «1) наблюдение или надзор за окружающей обстановкой; 2) обеспечение взаимосвязи частей общества в соответствии с изменениями среды; 3) передача социального наследия или опыта от одного поколения к другому»¹⁰⁴. Каналы связи не обладают

¹⁰⁴ Лассвелл Г. Структура и функции коммуникации в обществе. // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. - М.: Аванти плюс, 2003. С. 234

свойством полной проводимости, но не могут также быть охарактеризованы как не-проводимые вообще. Связь между коммуникатором и аудиторией может быть одно- или двусторонней, где последняя «наблюдается в том случае, когда передающие и приемные функции выполняются с равной частотой двумя или несколькими индивидами»¹⁰⁵. Политические институты, среди которых распределены те или иные ценности, осуществляют коммуникацию, главной целью которой является поддержание целостности сообщества. Средством (и механизмом) коммуникации является идеология, которую можно разделить на несколько типов: политическая доктрина, политическая формула и миранда. Коммуникация также может использоваться как средство сохранения власти в кругах правящей элиты.

Концепция Н.Лумана¹⁰⁶ рассматривает коммуникацию в русле социокультурной традиции не как действие, но как нечто слитное и неразложимое на части. Действие появляется именно в сети коммуникаций, но не является ее сущностью. Коммуникация в общем виде понимается как синтез трех селекций: информации, сообщения информации и понимания/непонимания этих сообщения и информации. Элемент понимания, который выступает как основание для дальнейших коммуникаций, является необходимым условием аутопойезиса социальной системы. Интересной особенностью данного феномена можно назвать эмерджентность коммуникации, что позволяет говорить не только о замкнутости данной системы, но и о ее самодостаточности и неразложимости. Закрытость аутопойетической системы строится на воспроизводстве и производстве компонентов коммуникации самой системой. Существенным для данной работы можно назвать отсутствие цели в коммуникации. Ценности не являются предметом дискуссии в

¹⁰⁵ Там же. С.236.

¹⁰⁶ Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114-125.

коммуникации, скорее таковыми выступают интересы, предпочтения и программы.

Критическое направление теории коммуникации ведет свои истоки с сократической диалектики, понимаемой как метод достижения истины посредством вопрошания, обнажающего противоречия, неявленные во внекритических размышлениях. Нестабильность свойственна всем актам коммуникации, направленным на достижение взаимопонимания. Механическая передача сообщения или семиотическое согласие по поводу значений представляет неполную, искаженную коммуникацию, лишенную своей аутентичности. Подлинная коммуникация реализуется только в стремлении недостижимой идеальной полноты, производимой в процессе дискурсивной рефлексии. Препятствующими и искажающими факторами дискурсивной рефлексивности становятся материальные и идеологические силы, представленные объективностью и морально-политической нейтральностью науки, индивидуализмом как культурной составляющей, доминированием инструментальной волюнтаристской рациональности. Не соглашаясь с социокультурной традицией в том, что производство и воспроизводство социального порядка является подлинной коммуникацией, сторонники критической теории настаивают на взаимопонимании, возникающем благодаря открытому обсуждению имеющихся проблем и “несогласий” (конфликтов) относительно фактов объективного мира, моральных норм и личного опыта. Различие между коммуникацией как дискурсивной рефлексией и феноменологической традицией кроется в диалектическом аспекте, который заключается в патогенности влияния социокультурных условий на идеалистическую форму диалога.

Теория коммуникативного действия Ю.Хабермаса¹⁰⁷, одного из наиболее ярких представителей критической теории, строится на

¹⁰⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб.: Наука, 2000.

различении инструментального и коммуникативного действия. Наиболее существенным отличием двух видов действия являются их ориентации. Если инструментальное действие ориентировано на успех, то коммуникативное на понимание. Отношение субъектов к миру опосредованы возможностями коммуникации с другими, так как только в рамках этого процесса можно понимать человека как актора, претендующего на некоторую значимость. Коммуникация имеет диалогическую форму, поэтому не может быть рассмотрена вне языкового поля, которое является одной из основных проблем в произведении Хабермаса. Сама коммуникация трактуется автором как интеракция, опосредованная языком, где смыслы и значения выражений проявляются в ее процессе. Введение дискурса в исследование помогает анализировать коммуникацию в ее социальной обусловленности. Дискурс можно определить в данном контексте как форму коммуникативного действия, главной целью которого является достижение консенсуса или соглашения. Он также является тем полем, где актуализируются притязания на значимость.

Один из представителей семиотической традиции - Роман Якобсон в рамках анализа вопроса становления речевого сообщения произведением искусства, трактуемого как проблема соотношения областей поэтики и лингвистики, рассматривает помимо поэтической и иные функции языка, на основании выделения основных компонентов речевого общения. Терминологически язык и речевое общение в контексте данной концепции можно определить следующим образом: «...язык имеет много общих свойств с некоторыми другими знаковыми системами или даже со всеми (пансемиотические свойства)». Подобный пансемиотический подход к пониманию языка позволяет транспонировать дальнейший анализ его функций на иные знаковые семиотические системы (к которым в некотором аспекте можно отнести и феномен насилия). Для каждого

«говорящего» субъекта, погруженного в лингвистическую среду существует единство языка, представленное во всеобщем коде, который в действительности является совокупностью субкодов, взаимосвязанных друг с другом. «В каждом языке сосуществуют конкурирующие модели, наделенные разными функциями»¹⁰⁸.

По Якобсону, любой акт речевого взаимодействия является целенаправленным, что позволяет говорить функциях, которые разграничиваются на основании своего базового компонента. К компонентам речевой коммуникации, некоторые из которых пересекаются с элементами в концепции Лассуэлла, относятся адресант, который посылает сообщение адресату; адресат, которому посылается сообщение; контекст (референт), в котором это взаимодействие осуществляется (должен быть воспринят адресатом в вербальном или вербализованном виде); код, хотя бы отчасти общий для адресата и адресанта; а также сам контакт, понимаемый как канал, который делает коммуникацию возможной. На основании данных компонентов возможно выделить следующие функции коммуникации:

- Референтивная (когнитивная или денотативная). Установка на референт, передача определенной информации. Хотя данная функция и является центральной задачей многих сообщений, но данная особенность не делает ее единственно возможной.
- Эмотивная (экспрессивная). Ориентация на адресанта, где основной целью является выражение отношения субъекта речи к тому, что он говорит. Произведение впечатления притворных или подлинных эмоций.

¹⁰⁸ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (Дата обращения: 03.02.2017)

- Конативная функция. Центральным здесь выступает адресат, что находит свое выражение в речевых актах в качестве повелительного наклонения и в звательной форме.

Выделенные функции включают в себя три основных действующих лица: говорящего, слушающего и сам предмет речи. В некотором смысле, разделение коммуникации на трехчастную структуру можно признать традиционным, ведущим свое начало еще с сочинений Аристотеля (в терминологии которого структура выглядела как «оратор - речь – аудитория»). Помимо них Якобсон выделяет также следующие функции:

- Фатическая. Установка на контакт, где основным является проверка канала связи: установление, продолжение или прерывание коммуникации, привлечение внимание собеседника.
- Метаязыковая. Основывается на различии двух уровней языка: объектного и метаязыка. Толкование, прояснение значений, проверка и сравнение кодов, используемых в процессе коммуникации говорящим и слушающим, проверка возможности декодирования.
- Поэтическая. Отражающая, направленность на само сообщение, где характерным является уделение большего внимания форме сообщения, а не его содержанию. Является центральной определяющей функцией для словесного искусства, в остальных видах речевой деятельности - вторичный компонент. Благодаря усилению акцентирования знаков углубляет дихотомические отношения между знаком и предметом. Непреходящим свойством главенствующей поэтической функции является неоднозначность как самого сообщения, так и адресанта и адресата, благодаря чему образуется их расщепленность и двойственность референции.

Следует оговорить, что различия между сообщениями или актами коммуникации заключаются не в монопольном господстве одной их функций, а в их различной иерархии в каждом отдельном случае.

Многообразие существующих концепций коммуникации с различными векторами и акцентами в подходах к определению данного феномена позволяет говорить о его междисциплинарности и связанных с этим проблемах его интерпретации. Среди выделенных подходов риторическая традиция остается на уровне практического использования языка, не учитывая его семиотическую составляющую. Феноменологический подход до крайности индивидуализирует границы коммуникации, синонимизируя саму коммуникацию с диалогом, что дает возможность исследовать данный феномен на межсубъектом уровне, но не позволяет учитывать институциональный уровень. Подобная сосредоточенность на субъектных составляющих акта коммуникации характерна и для социопсихологической традиции, где основной акцент делается на психологические механизмы, состояния и черты. Кибернетическая традиция также обращается к механизмам взаимодействия, но, с помощью апелляции к ним низводит субъект и объект коммуникации до их конструктивной составляющей. Критическое и семиотическое направления теории коммуникации в совокупности задают необходимый вектор дальнейшего исследования насилия, где критическая теория определяет коммуникацию как интеракцию, опосредованную языком, а семиотическая традиция, представленная Р.Якобсоном, выделяет его структурно-функциональные компоненты.

2.2. Коммуникативные аспекты насилия

Рассмотренные ранее концепции коммуникации имеют различные векторы направленности. В рамках данной работы основополагающей является модель коммуникации Романа Якобсона, позволяющая не только

структурно обозначить все составляющие элементы данного феномена, но и выявить необходимые функциональные связи. Пансемиотические свойства языка (а значит, и речевой коммуникации), отмеченные Якобсоном, позволяют транспонировать функции коммуникации на феномен насилия, не только принадлежащий определенному знаковому порядку, но и включающий в себя языковой аспект. Неисчерпанность исследуемого феномена исключительно семиотической сферой не является препятствием для подобного проецирования функций, поскольку компоненты данного акта структурно повторяют элементы коммуникации.

Конативная функция с точки зрения насильственных актов имеет целью принуждение к смене власти или иным изменениям в государственной структуре и/или ее регуляции. Насилие в данном случае понимается как средство воздействия и носит радикальный характер. Такие акты не могут быть одобрены ни с точки зрения существующих норм, ни со стороны государственной власти. Подобная функция насилия выступает как наиболее явная для позиции объяснения осуществленных актов насилия. Так, действия террористов зачастую трактуют как попытку борьбы с существующей властью глобального капитала или «прозападного» либерально-буржуазного образа жизни.

Референтивная функция в актах насилия транслирует передачу определенной информации, которая либо невозможна посредством иных каналов связи, либо соответствует изначальной ориентации адресанта на данный коммуникационный канал. Если для языковой коммуникации данная функция является центральной, то в рамках феномена насилия ее очевидность не столь прозрачна. Блокирование в государственном аппарате обратной связи, то есть непредусмотренность «входа» информации в структуру системы может быть одной из причин возникновения насилия в его референтивной функции.

Эмотивная функция, тесно связанная с (само)репрезентацией субъекта, может быть как сопутствующей, подчиненной по отношению к референтивной, так и занимать главенствующее положение.

Но если приведенные выше функции часто рассматриваются как основное целеполагание агентов насилия («протестующих») при анализе насильственных актов, то остальные, также как и для процесса коммуникации, не являются столь явными. «Неявленность», неочевидность некоторых насильственных актов наглядно продемонстрирована Жаном Бодрийяром на примере анализа терактов 11 сентября 2001 года, где сам феномен терроризма предстает как имморальный, также как и глобализация, служащая одной из причин его проявления. В этом смысле можно говорить о том, что усиление (или количественное увеличение) позиций Добра вызывает симметричное усиление Зла. «В конечном итоге они это сделали, но мы этого хотели»¹⁰⁹. Однако, подобное радикальное событие не позволяет увидеть разорванность Реального и продолжает функционировать на уровне реальности, оставаясь в плену образов и тиражированности. Позицию Бодрийяра относительно дальнейшего выстраивания терроризма, можно сравнить с развертыванием неконтролируемого насилия мести, рассмотренного ранее в концепции Жирара, где границы и последующие действия не могут быть определены, что предоставляет силу для рецессии всей существующей системы.

Поэтическая функция, направленная на форму, опосредующую разрыв между означаемым и означающим, позволяет говорить не только о расщепленности, но и о разрыве как между знаком и значением, так и внутри них самих. Это подводит к осмыслению феномена символического насилия, но не в примитивизированном (симплифицированном) контексте

¹⁰⁹ Бодрийяр Ж. Дух капитализма. Войны в заливе не было. - М.: РИПОЛ классик, 2016. С.97.

насилия знака, а с точки зрения необходимого насильственного элемента их взаимодействия.

Другая функция политического насилия - фатическая, направленная на канал связи, продемонстрирована Славоем Жижекком в его работе «О насилии»¹¹⁰. Анализируя волнения 2005 года в предместьях Парижа, он приходит к выводу, что у творивших насилие не было какой-либо четкой цели. Жижек рассматривает эти события, как пустые сами по себе, не несущие в себе какого-либо более глубокого смысла. Это скорее «импульсивный переход к действию», несущий «невыносимую фрустрацию». Однако отсутствие какой-либо цели здесь несколько абсолютизировано. Действительная (в противовес формальной) невключенность протестующих групп населения в политическую и социальную общность, а также стремление к обретению своей «зримости» для Других выступает в данном случае как цель действий (при упоминании цели не берется во внимание противопоставление рационализаторского (научного) и психоаналитического подходов). В этом смысле данный вид насилия можно рассматривать в его фатической функции: как проверка связи, как способ наладить контакт.

«В причудливом самореферентном коротком замыкании они протестовали против самой реакции на свой протест. «Популистский разум» наталкивается здесь на свой неразумный предел: мы имеем дело с протестом нулевой степени, насильственным актом протеста, который не выдвигает никаких требований»¹¹¹. По мнению Жижека, данный протест был самодеструктивен в отчаянной попытке обретения зримости группой исключенных из социума «французских» граждан. Но если посмотреть несколько глубже, то группа протестующих не просто не была вписана в французский социум, а осмыслялась посредством своей ложной

¹¹⁰ Жижек С. О насилии. - М.: Издательство «Европа», 2010.

¹¹¹ Там же. С.63.

принадлежности к нему, что особенно заметно на примере вещей, подвергшихся уничтожению. «Объектом разрушения во многом служат «вещи», которые противоречивым образом исключены для молодых бунтарей, считавшихся «негражданами», к которым они имеют лишь ограниченный, нелегитимный доступ, но частью которых они сами являются, составляя в каком-то смысле часть их самих и их идентичности»¹¹². Таким образом, «бунтующие» находятся в расщепленном состоянии не принадлежа целиком ни «внутренностям», ни «внешностям» системы. Противоречивость и амбивалентность проистекает из самой стратегии поиска, заложенной в подобных актах насилия.

Метаязыковая функция схожа в своем проявлении с фатической, что сопровождается определенными трудностями по их различению. Однако, существование определенного канала связи (также как и его проверка) невозможно без некой дискурсивной однопорядковости, выражающейся в кодификации всех сообщений, одним из основных методов кодификации которого служит язык, как довлеющий «насилующий» орган.

Анализ насилия в свете вышеобозначенных функций предполагает определенный уровень неявленности исследуемого феномена, требующий обращения к концепциям, способствующим его выявлению. К концепциям, спускающимся на необходимую глубину исследования можно причислить трехчастное разделение насилия на объективное, субъективное и символическое, представленное С.Жижеком и расчленение божественного и мифического насилия В.Беньямина.

Неопосредованная функция насилия (вне правового поля) у Беньямина соотносится с целями как манифестация индивидуального бытия, которая в обыденной жизни может проявляться в яростных вспышках насилия и не может рассматриваться как средство. На

¹¹² Балибар Э. Волнения в banlieues.// Прогнозис, № 2(14), 2008. С.275.

символическом уровне примером может являться насилие древнегреческих богов, где манифестируется не их воля, а само бытие.

Божественное и мифическое насилие являются не антагонистическими (или агонистическими) по отношению друг к другу, а скорее взаимодополняющими. Сами составляющие элементы божественного и мифического насилия находятся в несколько «деформированных» отношениях. «Подобно тому, как у Фрейда латентный смысл поведения деформирует его явный смысл, так и в мифе концепт деформирует смысл»¹¹³. В терминологии Барта концепт, синонимичный означаемому, оказывает непосредственное влияние на смысл, под которым понимается означающее языковой системы, до надстройки системы мифологической. Таким образом, означающее (или форма) в мифе образовано из знаков языка, что позволяет говорить о дуалистичности мифа, но не по отношению к божественному, а по отношению к языковой среде. «...миф действительно обладает двойной функцией: он одновременно обозначает и оповещает, внушает и предписывает»¹¹⁴. Однако знак (смысл) языка, продуцирующий форму, обедняется благодаря этому процессу. «... форма не уничтожает смысл, она лишь обедняет его, отодвигает на второй план, распорядясь им по своему усмотрению»¹¹⁵. Форма питает означаемое или концепт, который всегда предназначен для чего-то и в свою очередь сам деформирует смысл. Единство и когерентность представлений, являющихся конденсатом смутных ассоциаций и нечеткого знания на их основании, определяется функцией концепта. Миф, как сообщение определяемое интенцией (формой), несет в себе в том числе и смысл. «Эта фундаментальная неоднозначность мифического сообщения имеет двойное следствие для его значения; оно

¹¹³ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. С. 87.

¹¹⁴ Там же. С. 81.

¹¹⁵ Там же. С. 82.

одновременно является уведомлением и констатацией факта»¹¹⁶. Для мифического насилия это реализуется как задаванием определенных рамок (закона), так и обязанностью их четкого соблюдения. Божественное насилие появляется при утрате значением связи с остальными элементами и обращением в пустую форму.

Миф, по Барту, носит императивный характер, где его отправной точкой служит конкретное понятие в контексте определенных обстоятельств. «... он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции, он навязывает мне свою агрессивную двусмысленность»¹¹⁷. Ролан Барт выделяет несколько вариантов прочтения актуальных, действующих мифов. При сосредоточенности на означающем, ключевым становится концепт, который позволяет осуществить буквальное прочтение. Если означающее заполнено содержанием, то следует выделять форму, являющуюся порождением мифа и смысл, относящийся к уровню языка. В результате такого различения становится возможным выявление трансформирующего влияния формы на смысл. Но свою наибольшую убедительную силу миф приобретает при восприятии формы и смысла в их неразрывном единстве.

Суть мифа заключается в «похищении им языка»: как с точки зрения повторяемости структуры означающее-означаемое-значение, так и с точки зрения использования языковой реальности и единиц языка посредством добавления нового уровня. «...задача мифа заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным интенциям статус природных, возвести исторически преходящие факты в ранг вечных»¹¹⁸. Реализация данной задачи позволяет придать случайности свойство обязательности. Мифология порядка, некоторая «консервация существующего» невольно

¹¹⁶ Там же. С. 90.

¹¹⁷ Там же. С. 90.

¹¹⁸ Там же. С. 111.

задает определенные законы или максимы, четко ограничивающие существующее бытийственное поле потенциальных действий.

Связанность мифа с языком подчеркивает и Клод Леви-Стросс. «Миф — это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удастся, если можно так выразиться, *отделиться* от языковой основы, на которой он сложился»¹¹⁹. Если останавливаться на этом моменте более подробно, то, по мысли, Леви-Стросса мифы и сказки работают как метаязык, действующий и реализующийся на всех уровнях. «... мифы и сказки, как разновидности языка, используют его «гиперструктурно»»¹²⁰. Грамматические и лексические средства языка в мифе не являются единственными средствами его реализации: «... правила и слова служат здесь для построения образов и действий, являющихся «нормальными» обозначающими для обозначаемых речи и одновременно значащими элементами по отношению к дополнительной системе значений, которая развертывается в другом плане»¹²¹. То есть по сути, Леви-Стросс, также как и Барт, говорит о некоторой деформации значений в мифе, которые получаются путем прибавления дополнительного означаемого. Следовательно, структура мифа не является обособленной по своему содержанию, поскольку сама является содержанием, принимающим определенную логическую форму.

Миф, несмотря на то, что принадлежит языковой реальности есть одновременно и внутриязыковое, и внеязыковое явление. На основании того, что Соссюр выделяет в языке два уровня: структурный, позволяющей языку быть обратимым во времени, и статистический, делающий речь необратимый, Леви-Стросс делает предположение о возможности

¹¹⁹Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С.218.

¹²⁰ Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1985. С. 31.

¹²¹ Там же. С.31.

выделения еще одного уровня, характерного непосредственно для мифа. «Миф всегда относится к событиям прошлого: «до сотворения мира» или «в начале времен» — во всяком случае, «давным-давно»»¹²². Таким образом, миф соединяет в себе объяснение трех временных пространств: прошлого, настоящего и будущего, так как события, освещаемые в нем находятся вне времени. Сама сущность мифа есть рассказанная в нем история. Но это не отдельная история, рассказываемая и хранимая четко определенной группой лиц. Миф, по Леви-Строссу, это вся совокупность его возможных вариантов, ограниченных пониманием этой истории именно как мифа. Сама цель мифа, как задание некоторых логических моделей или границ для разрешения противоречия, позволяет говорить о его постоянном развитии и возможности интерпретации. «Миф будет развиваться как бы по спирали, пока не истощится интеллектуальный импульс, породивший этот миф»¹²³. Таким образом, рост или интерпретация мифа не прерывается, если остается связь с основами, его породившими.

В рассмотренных выше концепциях мифа, сам анализируемый феномен непосредственно связан с собственной интерпретацией, герменевтическое поле которой включает два взаимодополняющих друг друга уровня. «Я называю символом всякую структуру значения, где один смысл - прямой, первичный, буквальный - сверх того означает и другой смысл - косвенный, вторичный, иносказательный, - который может быть понят лишь через первый»¹²⁴. Интерпретация может быть представлена как следующий этап жизни мифа. С одной стороны миф возрождается благодаря некоторой деконструкции (деструкции) до уровня языка. Таким образом понятая интерпретация сводится к своему прямому определению.

¹²² Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С.217.

¹²³ Там же. С. 241.

¹²⁴ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. - М.: Академический Проект, 2008. С. 51.

«... интерпретация, скажем мы, это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении»¹²⁵. Но такое дешифрование буквального смысла мифа до уровня его символической значимости не учитывает подвижность его базиса - самого языка. Язык не статичная совокупность морфем и фонем, и его постоянная трансформация служит обновлению и самого мифа. Но следует учитывать то, что интерпретация может состояться только там, где имеется множественный смысл и одновременно с этим эта множественность смыслов обнаруживается только в интерпретации. Можно говорить о некоторой «завесе неведения», скрывающей удачность или неудачность выбора предмета для интерпретации. Это понимается как «двойное ограничение семантического поля».

Постоянное обновление и трансформация мифа с помощью интерпретации не означает самозамкнутости мифического насилия. Божественное и мифическое насилие взаимно дополняют и “перетекают” друг в друга. Подобно тому как либидо, специфическая энергия сексуального влечения, в концепции З.Фрейда может быть подвергнута замещению, рационализации, реактивному образованию, регрессии или сублимации, так и насилие может быть реализовано различным образом в качестве различных потенциалов. Данная аналогия может считаться легитимной, так как само бессознательное, также как и коммуникация сама по себе, «выстроено как язык»¹²⁶.

Божественное насилие, когда оно выходит за рамки существующего закона и начинает производить это регулярно, само становится законом и перерождается в мифическое насилие, которое также может перетекать в

¹²⁵ Там же. С. 51.

¹²⁶ Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. (Семинары: книга XI (1964)) - М.: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос", 2004. С. 25.

божественное, но не в смысле преобразования одного вида в другой, а в смысле неразрывной связи и продуцирования одного вида из другого и наоборот. Вопрос о «сублимационной» характеристике насилия поднимается в том числе и самим Бенямином при рассмотрении правовых форм насилия: «Право допускает возможность забастовки, потому что она сдерживает насильственные действия, с которыми оно опасается столкнуться»¹²⁷.

Жак Деррида, также как и С.Жижек, обращается к классификации насилия Вальтера Бенямина. По его мнению, краткая характеристика мифа и устанавливающего насилия права может быть описано словом бастард. «Мифическое право - можно сказать юридическая фикция - это насилие, которое извращает (бастартизирует) “вечные формы чистого божественного насилия”»¹²⁸. Таким образом, Деррида говорит о том, что миф опорочивает или извращает божественное насилие своей склонностью к закону. Однако корректнее было бы утверждать, что божественное насилие уже само по себе опорочено своей изнанкой - мифическим насилием, благодаря которому оно и получает свой статус божественного.

Божественное и мифическое насилие вместе с символическим, объективным и субъективным задают некоторую координатную (способствующую большей методологической прозрачности) плоскость в контексте анализа насилия. Но если мифическое и божественное насилие взаимодействуют друг с другом посредством взаимного продуцирования друг друга, то субъективное, системное и символическое насилие представляют собой различные уровни одного феномена. Следует отметить что, несмотря на разнонаправленность их векторов, невозможно

¹²⁷ Бенямин В. К критике насилия// Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей. - М.: РГГУ, 2012. С.83.

¹²⁸ Derrida J. Acts of religion. – NY, London: Routledge, 2002. P.292.

соотнести их как синонимичные или антагонистичные по отношению друг к другу.

К примеру, мифологическое насилие, как некоторый открытый или явленный для субъекта уровень не может быть приравнено к субъективному насилию, по причине различности их функционирования. Если субъективное насилие становится видимым благодаря нарушению общепринятых норм и стандартов (наиболее показательным среди которых можно назвать правовую систему), то мифическое насилие использует закон как средство для действий направленных непосредственно на бытие Других. Но данное использование не предполагает его нарушения и, таким образом, существование мифического насилия остается строго в рамках закона. В то же самое время соблазн отнесения мифологического насилия к регистру системного также ложен в силу различных степеней видимости для субъекта: если мифическое насилие всегда остается открытым, то системное характеризуется скрытым уровнем.

Божественное насилие также не находится в четкой соотнесенности ни с одним из видов насилия, выделенных Жижеком. Скрытый уровень его репрезентации не позволяет сравнивать его с объективным насилием. От системного насилия его отличают различные способы функционирования, согласно которым системное насилие задает «стандарт нулевого уровня», или иначе говоря, некоторую систему норм или координационную сетку, позволяющую на основании ее идентифицировать субъективное насилие. Механизм божественного насилия использует знаки и при попытке продуцирования какой-либо системы или закона перерождается в мифическое насилие. Но использование знака в качестве действующего средства не предполагает сведения исключительно к форме и символическому регистру, как это происходит в случае символического насилия. В случае божественного насилия речь идет о «до-

символическом» регистре Воображаемого, где не существует большого Другого.

Если проецировать функции насилия на данную классификацию, то каждая конкретная функция предстает с одной стороны как некоторый инструмент для достижения цели, а с другой стороны выбор определенного типа насилия опосредован этой функцией, и таким образом, можно понимать ее как некоторую цель.

Подводя итог вышесказанному, следует акцентировать внимание на том, что каждая постулируемых Р.Якобсоном функций коммуникации находит свое отражение в осуществлении феномена насилия. Так, конативный аспект коммуникации в насилии имеет целью прямое принуждение к изменению политического курса или политического статуса тех или иных лиц. Референтивная функция отвечает за вход-выход информации во всей политической системе. Эмотивная функция способствует самопрезентации субъекта и выстроению его идентичности. Направленность на символическое насилие, как фиксирующее значимость формы, выявляется в поэтической функции. Фатическая функция насилия направлена на проверку канала связи. Благодаря метаязыковой функции происходит кодификация существующей реальности.

Божественное и мифическое насилие взаимодополняют и перетекают друг в друга, посредством реализации насилия как потенции. Мифическое насилие в контексте данной работы трактуется как динамический элемент, постоянно обновляемый за счет интерпретации.

Глава 3. Коммуникационные функции в контексте различных форм насилия.

3.1. Гибридизация насилия в концепциях В.Беньямина и С.Жижека.

Пять видов насилия, выделенных ранее: субъективное, символическое, системное (объективное), мифическое и божественное, действительно, не могут быть попарно синонимизированы или сведены

один к другому. Однако, следует отметить, что принадлежность этих двух схем маркирования актов насилия к различным дискурсам, правовому и политическому, не позволяет продуктивно, с точки зрения методологии, проводить дальнейший анализ. Из-за отсутствия однопорядковости данных феноменов необходимо привести выделенные виды насилия к единой парадигме.

Субъективное насилие, наиболее «зримый» уровень насилия в концепции С.Жижека, агрегирует исключительно физическое проявление насилия, где под физическим понимаются в том числе его «психологические» аспекты. Это насилие фанатичных последователей, социальных агентов, выполняющих свою прямую функцию, репрессивных аппаратов и просто «злых людей». Наглядным примером анализа насилия на субъективном уровне может быть объяснение актов «приступами агрессии» в рамках каких-либо психических отклонений или психологического давления. Если подниматься на макроуровень групп или общностей, то в русле «субъективного» анализа можно говорить о террористических действиях, совершенных в силу принадлежности к определенной группировке или собственных экстремистских, радикальных воззрений. Действия, не имеющие четкого физического воплощения, но маркируемые как «неодобряемые» и насильственные, с точки зрения либерального подхода, например, расизм и дискриминация, также остаются на уровне субъективного, если основным вектором осуждения остается нарушение соответствующих общепринятых норм (прав и свобод человека). Однако, субъективный уровень насилия не представляется аналитически плодотворным, так как оставаясь в области зримого не предполагает и не учитывает подводную, базисную часть «айсберга» насилия. Поэтому в дальнейший пласт рассмотрения коммуникативных функций насилия субъективное насилие не входит.

Символические формы в целом могут восприниматься как структурирующие структуры, в русле неокантианской традиции, и как структурированные структуры, в русле структуралистской традиции. Если для первой традиции (яркий представитель - Кассирер) символическое - это, прежде всего, форма (миф, язык, искусство), используемая в качестве гносеологического инструмента, то для структуралистов (де Соссюр) символическое - это средства общения (дискурсы, язык, культура). На основании такого первичного разделения двух традиций, П.Бурдьё проводит их дальнейший синтез, позволяющий утверждать, что «символические системы — средства познания и коммуникации — могут осуществлять свою структурирующую власть лишь потому, что они структурированы»¹²⁹. Двойственное положение символов, как инструментов, приводит к пониманию их значительной роли в «социальной интеграции», объединяя возможность консенсуса относительно смысла, а также обеспечивая условия для «моральной интеграции».

Миф в этом смысле может пониматься как второй уровень преобразования или искажения языка, некоторая надстройка в концепции Р.Барта. Язык же в данном случае является как непосредственной формой, так и средством общения, «программирующим» социальное пространство. Таким образом, транспонируя данные выводы на феномен насилия, можно говорить о том, что его мифический и символический виды, несмотря на отличия с точки зрения зримости или явленности и изначальную приписанность различным векторам анализа исследуемого феномена, действуют схожим образом, используя в качестве средств знаки, символы и формы.

¹²⁹ Бурдьё П. О символической власти. // Бурдьё П. Социология социального пространства. - М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С.90.

Следует отметить, что символическое и мифическое насилие изначально несет в себе аспект коммуникации, совмещенный с политической функцией. «В качестве структурированных и структурирующих инструментов коммуникации и познания «символические системы» выполняют свою политическую функцию средства навязывания или легитимации господства (символического насилия), поддерживая своими силами отношения силы, которые их создают»¹³⁰.

Но если возможность «гибридизации» мифического и символического насилия представляется довольно очевидной, то относительно системного и божественного насилия подобная возможность не так прозрачна. Создается впечатление, что системное и божественное насилие находятся на разных полюсах и не могут быть связаны никаким иным образом, кроме как за счет противопоставления друг другу. Системное насилие устанавливает некоторые границы для действия других, то есть тех, на кого оно направлено. Божественное насилие же выходит за рамки установленных законов и проявляется как некоторый знак или событие в терминологии А.Бадью¹³¹.

Системное насилие в качестве метафоры может быть представлено как спектакль, заимствованный из концепции Ги Дебора. «Спектакль одновременно представляет собой и само общество, и часть общества, и инструмент унификации общества»¹³². Примечательным является четкая связь с производственной составляющей общества, которая в настоящее время может быть понята как глобальная власть Капитала или конституирование капиталистического образа жизни. «..форма и

¹³⁰ Там же. С.93.

¹³¹ «“Событие” обозначает точку разрыва, поскольку мы констатируем, что таковая имеется». Бадью А. Манифест философии. - СПб: Machina, 2003. С.129.

¹³² Дебор Г. Общество спектакля. - М.: Логос, 2000. С.13.

содержание спектакля служат тотальным оправданием условий и целей существующей системы. Но спектакль является еще и перманентным присутствием этого оправдания»¹³³. Системность и всеобщность общества-спектакля достигается благодаря его двунаправленности: и на результат, и на сам проект.

Другой особенностью системного насилия является то, что для поддержания системы, ее воспроизведения требуется гораздо больше энергии и сил, нежели для ее изменения. Поэтому следует предпочесть бездействие и неучастие. Так, в романе Жозе Сарамаго «Прозрение»¹³⁴ демократическая система была поставлена под угрозу действиями «неучастия» населения в выборах. Здесь следует говорить не о «распускании» правительства в узком смысле, как свержении правящей партии, поскольку представленные альтернативы в виде Партии Средних или Партии Левых также не были выбраны, а о попытке трансформации существующей демократической системы с помощью предлагаемых ею же самой средств. «...тревожное послание романа заключается не столько в том, что распустить народ и правительство невозможно, сколько в том, чтобы указать на принудительную природу демократических ритуалов свободы»¹³⁵. Отрицание существующей власти, недоверие или изменение политического курса как правовыми, так и неправовыми путями, означает принятие или подавление, в терминах психоанализа. Но народом в данной моделированной ситуации был выбран путь отвержения или отторжения, отрицающий сам принятый уклад, саму систему.

Таким образом, благодаря двунаправленности системного насилия, можно говорить о возможности выхода за постулируемые им самим границы. Выход за эти «лже-границы», или иначе, разрыв с существующей

¹³³ Там же. С.13.

¹³⁴ Сарамаго Ж. [Про]зрение. - М.: Эксмо, 2013.

¹³⁵ Жижек С. О насилии. - М.: Издательство «Европа», 2010. С.165.

символической системой, и прорыв Реального, позволяет говорить об элементе иррационального/божественного в ней. Но возможность иррациональности внутри системы является естественной, в то время как подобные действия со стороны конкретных агентов могут быть для нее смертельны.

Связь системного и божественного насилия демонстрируется, в том числе и Жижеком, на примере восприятия Николаем Лосским и его семьей отношения других к их общественному положению и статусу в 1917-1922 годах, вплоть до принудительной высылки. Буржуазный образ жизни семьи Лосских был поколеблен насмешками и зловещими вторжениями в привычный уклад жизни, которые являлись следствиями не субъективного зла с их стороны, а проявлениями именно призрачной вуали системного насилия. «Они не понимали того, что под видом этого иррационального субъективного насилия к ним возвращалось в своей перевернутой истинной форме отправленное ими же самими послание»¹³⁶. Такое внезапное насилие как раз и может быть именовано беньяминским чистым божественным насилием. Это демонстрирует превалирование и позиционирование границ системного насилия, которые на самом деле всегда дополнены иррациональным элементом и постоянно деформируют сами себя, не допуская в это процесс трансформации посторонних, внешних лиц, пытающихся контролировать или руководить процессом.

Системное насилие с налетом божественного актуализируется и в анализе Ж.Бодрийера теракта 11 сентября. «В конечном счете они это сделали, но мы этого хотели»¹³⁷. Включенность в дискурсивный порядок глобальной системы, действующей «с позиции Бога», то есть продуцирующей абсолютный моральный закон, не избавляет от условно иррационального желания ее уничтожения, которое является результатом

¹³⁶ Там же. С.13.

¹³⁷ Бодрийер Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. - М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 97.

склонности самой системы к самоубийству. И именно изначальная склонность к собственной смерти/изменению, а также четкая центрированность, делают систему (и системное насилие) уязвимым для символических атак, как это произошло в случае с башнями Всемирного торгового центра.

Подводя итог, можно говорить о том, что мифическое и символическое насилие несмотря на принадлежность различным дискурсивным моделям и разнородную векторальную направленность действуют аналогичным образом, используя в качестве средств формы, знаки и символы. Системное насилие содержит в себе элемент божественного, как иррационального, позволяющего выходить за собственные границы и реализующее двунаправленность системного насилия.

3.2. Уровни насилия и функции коммуникации

Выделенные уровни насилия: символическое/мифическое и системное/божественное, способствуют реализации определенной функции коммуникации. Субъект, осуществляющий насильственный акт выбирает тот уровень в качестве средства, который наиболее полно соответствует поставленной цели. Таким образом, тот или иной уровень насилия свидетельствует не только и не столько об акторе или адресанте, сколько напрямую влияет на успешность ситуации коммуникации. Здесь следует оговорить, что под субъектом или адресантом понимается не обязательно индивид или группа лиц, организация, институт и так далее, но и некоторая точка пространства, так как установление действующего субъекта насилия не всегда возможно, что особенно актуально для системного/божественного насилия. Обманчивое впечатление потерянности непосредственной коммуникации при разложении ее на составляющие элементы устраняется с помощью понимания того, что ни

одна из функций не действует «самостоятельно». Когда утверждается, что в данном акте реализуется некоторая функция, то имеется в виду, что в контексте данного акта эта функция превалирует над всеми остальными, реализуемыми в меньшей степени.

Если переходить непосредственно к функциям коммуникации актуальным для каждого из уровней насилия, то для символического/мифического насилия к таковым можно отнести поэтическую, метаязыковую и фатическую. Поэтическая функция акцентирует внимание на форму, как основной способ осуществления насилия. Использование символов и знаков и превалирование формы над содержанием позволяет выявить направленность на само сообщение, не зависящее от своего контекста. Но если поэтическая функция в некотором смысле автономна по своему происхождению, хоть и нуждается в остальных для действительного осуществления коммуникации, то метаязыковая и фатическая функции символического насилия действуют неразрывно друг от друга. Метаязыковая функция задает координаты самого символического пространства, а, значит, некоторым образом кодирует символическую реальность. Фатическая функция ориентирована на проверку канала связи, существование которого невозможно без изначальной кодировки, определяющей его. Но код в рамках коммуникации также предопределен тем каналом, в котором он будет использован. Следовательно, канал и код (а, значит, и фатическая, и метаязыковая функции) в рамках коммуникации взаимообуславливают друг друга, и четкое ограничение, а тем более выявление главенствующего элемента, не представляется возможным. Метаязыковая функция насилия в качестве одного из основных свойств имеет прямым следствием некую дискурсивную однопорядковость, выражающуюся в кодификации всех сообщений.

Избавление символической системы (вне рассмотрения вопроса существования такой возможности), осуществляющей подобное насилие, приведет не только к требуемому результату, но и к утрате кода, правил игры, в которых нуждается любая ситуация коммуникации.

Потеря кодифицирующего канала негативно сказывается не только на возможности коммуникации, но и ставит под угрозу существование этического поля, которое возникает только при существовании символического порядка. Одним из примеров связи символического и этического может служить насилие языка (где язык предстает как упрощающий само означаемое). Следует учитывать, что язык также создает Другого в его другости, являясь одним из оснований символического поля.

Символическое насилие, реализующее поэтическую, фатическую и метаязыковую функции, зачастую проявляется посредством языка, который, однако, не эквивалентен символическому насилию, также как не эквивалентны символ и язык сами по себе. «...человек говорит, но говорит он благодаря символу, который его человеком сделал»¹³⁸. Язык также вовлечен не только в порядок символического, но и в порядки реального и воображаемого, то есть является некоторым конструктом сборки. Символическое в языке агрегируется в измерении означающего, которое функционирует посредством отсылки одного элемента к другому и не имеет какого-либо позитивного содержания. Но взаимодействие символического насилия с лингвистическим и лингвистическим порядками позволяет говорить о возможности осуществления поэтической, метаязыковой и фатической функций коммуникации, что может быть продемонстрировано на примере обращения к концепциям насилия Ж.Деррида и П.Бурдьё.

¹³⁸ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. - М.: Издательство «Гнозис», 1995. С.46.

Педагогическое воздействие, по мнению П.Бурдьё, можно назвать символическим насилием, так как оно пользуется собственной властью для навязывания «культурного произвола»¹³⁹. Главной целью педагогического воздействия является воспроизводство «культурного произвола господствующих или подчиненных классов»¹⁴⁰. Таким образом, можно говорить о том, воспроизводство существующей классовой системы позволяет сохранить общий код существующего социального порядка. Маркировка групп по принадлежности к «высшему» или «среднему» классу обуславливает как форму, так и канал коммуникации для субъектов по отношению друг к другу.

К символической логике, на которой основана школа (и шире, вся образовательная система), а также собственно к работе Пьера Бурдьё, апеллирует и Жак Рансьер при рассмотрении понятия политического. «...школа творит неравенство, как раз заставляя верить в Равенство»¹⁴¹. «Бедняков» (в терминологии Рансьера, которых в капиталистическом обществе можно противопоставить элитам) заставляют верить в то, что классификация, отбор учеников производится на единственном основании - на основании способностей и дарований. В случае неудачи, а удачный исход в данном случае не представляется возможным, непривилегированным слоям указывают на недостаток дарований или ума, таким образом, исключая их из определенного круга. «Бедняки» в такой ситуации представляются именно как жертвы (или источники) символического насилия, так как не осознают подобного исключения, а также его глубинных оснований. Подобная ситуация символического насилия демонстрирует проявления метаязыковой, кодирующей, и поэтической функций насилия.

¹³⁹ Бурдьё П. Воспроизводство: элементы теории системы образования. - М.: Просвещение, 2007. С.23.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Рансьер Ж. На краю политического. — М.: Праксис, 2006. С.85.

Производя анализ современной ситуации, где одним из наиболее существенных моментов является положение знака и структуры в дискурсах, Жак Деррида характеризует настоящее, как отражение нынешней эпохи, отсутствием центра, в терминах понимания его как определенного места в структуре. В отличие от предшествующей традиции, когда центр всегда оставался «стабильным» и неизменным, центр в современной структуре характеризуется всевозможными подменами и перестановками. Он больше не является центром в пространственном измерении, а остается таковым только в своем функциональном векторе. «Это был момент, когда язык пронизал общефилософскую проблематику, когда исчезли и центр, и начало, и все превратилось в дискурс (если мы придем к согласию о значении этого слова), иными словами, превратилось в систему, в которой главное обозначаемое, первоначальное, или трансцендентальное обозначаемое, явно только в системе различий. Отсутствие трансцендентального обозначаемого бесконечно расширяет сферу и возможности знаковой игры»¹⁴².

Рассуждая о попытках философов произвести критику метафизики, Ж.Деррида замечает интересную особенность: все авторы попадают в «уникальный круг», где критика метафизики невозможна без использования ее же понятий. «У нас нет другого языка - ни синтаксиса, ни словаря, - который не был бы связан с ее историей; все наши призывы покончить с метафизикой уже облечены в форму метафизики, уже несут в себе ее логику, ее внутренние постулаты»¹⁴³. С этой точки зрения, можно говорить о том, что попытка «воспитанника дискурса» разрушить данный дискурс изнутри не может быть удачной, так как определенная логика,

¹⁴² Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе наук о человеке.// Современная литературная теория. Антология. - М.: Флинта: Наука, 2004. С.50.

¹⁴³ Там же. С.50.

правила игры и действий восприняты им как некий безусловный код, замены которого для данного индивида не существует. Эта внутренняя неосознанная приверженность и может трактоваться как символическое насилие в его метаязыковой функции, где подвергающийся ему не осознает его воздействия. Ж.Деррида более подробно рассматривает на примере этнографии и ее склонности к разрушению понимания европейской культуры как эталонной, что однако сосуществует с дискурсивной склонностью к ее полной оппозиции (т.е. сохранению данного понимания). «Следовательно, желает он [этнограф] того или нет - да это и не зависит от его намерения - этнограф пользуется в своем дискурсе положениями этноцентризма даже тогда, когда он выступает против этноцентризма, это неустранимо; это не есть историческая случайность»¹⁴⁴.

Одним из примеров реализации поэтической функции символического насилия может служить феномен акционизма, находящийся на стыке художественных и политических практик. Данный феномен искусства, как обладающий автономией в деле производстве или инициации истины, наравне с политикой и философией¹⁴⁵, тем не менее всегда оценивается в терминах этического. Провокационные перформансы венских акционистов, включающие в себя элементы оргий, публичных мастурбаций и испражнений, приправленные кровью и внутренними органами животных, а также истязанием собственных тел, не следует понимать исключительно как театрализованные экспрессионистски наполненные представления. Ключевым здесь является осмысление собственного тела в разных случаях связанное с восстановлением идентичности или с действием репрессивных сил, направленных на ее

¹⁴⁴ Там же. С.53.

¹⁴⁵ Подробнее см. Бадью А. Шум бытия. - М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», издательство «Логос-Альтера» / «Ессе homo», 2004.

сломление или устранение, то, что, по утверждению одного из участников движения - Отто Мюля, можно назвать экзистенциальной позицией¹⁴⁶. Но насильственный элемент здесь выражен не столько в самоистязаниях или влиянии на общественное устройство, сколько на изменение самого образа мысли индивида, воспринимающего данные акты перформансов. В качестве примеров также можно привести акции Ванессы Бикрофт или российского художника-акциониста Павла Павленского. Но более кристаллизированным, с точки зрения взаимодействия насильственной формы искусства с политическим, и менее растражированным примером можно назвать акцию «Кто сможет стереть эти следы?». В 2003 году Рехина Хосе Галиндо, гватемальский перформансист и поэт, устроила акцию прямо у стен Национального дворца культуры. Она состояла в следующем: художник «ходила перед зданием, держа в руках таз с кровью, в который время от времени окунала босые ноги, а затем шла дальше на глазах у следивших за ней вооруженных охранников, оставляя на земле кровавые следы»¹⁴⁷. Примечательно, что данная акция обнажающая вопрос насилия, продуцируемый прошедшей гражданской войной, геноцидом и политическими репрессиями, сама использует насилие, то есть пытается избавиться от насилия его же средствами, создавая некоторый «порочный круг». Однако, действие понятое подобным образом обнаруживает только физикалистскую сторону вопроса. Радикальный акт перформанса или акционизма, используя собственную форму в качестве главного сообщения или содержания несет в себе не всегда различимый коммуникативный аспект. Интеграция современного искусства (и акционизма как его частного) в актуальную социально-историческую реальность затруднена постольку, поскольку данное направление, как воздействующее

¹⁴⁶ Голдберг Р. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. - М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015. С 207.

¹⁴⁷ Там же. С. 295.

непосредственно на индивида и трансформирующее его, может повредить целостность социального механизма¹⁴⁸, выстраиваемое, в том числе, и с помощью использования системного насилия.

Фатическая функция символического насилия может быть продемонстрирована на примере реакции на публикации газетой Charlie Hebdo карикатур на пророка Мухаммеда в 2012 году¹⁴⁹. На первый взгляд, возмущение, вылившееся в поджог здания редакции, вызвали непочтительное и неуважительное отношение к религии, которое оскорбило чувство верующих. Подобный либеральный подход к решению вопроса был растиражирован медиа пространством, где в оппозицию ему звучал не менее популярный ход о невозможности ограничения свободы слова и свободы прессы, постулируемых демократической системой и правами человека. Данное событие, а также продолжение подобной редакционной политики, использующей нонконформистские провокационные комментарии на актуальные события в формате карикатур, привели к небезызвестным действиям 2015 года. Следует отметить, что непосредственные участники принадлежали к француско-алжирским мигрантам¹⁵⁰ и попытка критики религии вызывает подобную реакцию по причине связанности с формированием идентичности, которая находится под большим вопросом в условиях «чужого» общества. Подобная реакция, также как и упоминавшиеся ранее восстания в пригородах Парижа в 2005, может рассматриваться как проявление фатической функции символического насилия, где главным становится не

¹⁴⁸ Подробнее см. Гимельштейн Я.Г., Долоцкая Н.А., Шукин Д.А. Этика акционизма: художественная практика и политический жест. // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: Сборник научных статей I международной научной конференции 22-23 сентября 2016. – Екатеринбург: ООО Издательство «Деловая книга», 2016.

¹⁴⁹ В Париже подожгли редакцию журнала, объявившего редактором Мухаммеда [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20111102/478367416.html> (дата обращения 01.05.2017)

¹⁵⁰ Братья Саид и Шериф Куаши входили в список террористов в США [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20150109/1041834521.html> (дата обращения 01.05.2017)

само сообщение (возмущение сложившимися ситуациями было «предъявлено» общественности и ранее), а сам канал связи, неудавшаяся попытка быть услышанными.

Более скрытый уровень насилия, системное/божественное, действующий как Реальное в терминологии Лакана, определяет логику всей существующей системы. Так, ответственность за преступления коммунистического режима, возложенная на определенных лиц, на самом деле не может быть четко выявлена по причине действия рассеянного, но структурирующего системного насилия.

Системное/божественное насилие также как и символическое/мифическое позволяет реализовать ряд функций в рамках коммуникации. «Программирование» существующего порядка (не только социального или политического, а, шире, структурирующего сами дискурсы) позволяет говорить о конативной («заставляющей») функции, где негласная логика распространяется на всех индивидов и их общности различного вида. Примером такого насилия может быть действие глобального Капитала, не просто задающего возможные модели поведения, а предопределяющего точный сценарий действий, так или иначе, ориентированный на потребление. Демократическая система, уравнивающая (читать: подкрепляющая) его действия, в своей системной функции была ранее проиллюстрирована на примере произведения Ж.Сарамаго, где требования самой системы переопределяют постулируемые ей же самой границы. Некоторое действие (или, как в данном случае, бездействие), легитимное с точки зрения системы, может быть отклонено как законное на основании непоправимого вреда для стабильности самой системы. В этом смысле единственный верный вектор поведения (в «Прозрении» голосование за одну из трех предоставляемых альтернатив) и является той конативной функцией насилия, которая реализуется на данном уровне.

Иррациональность системного насилия, его божественная сторона, как не имеющая четкой цели и постулирующая некоторый разрыв с существующей реальностью и порядком, проявляется как эмотивная функция, направленная прежде всего на саму себя.

Божественный/системный и мифический/символический уровни насилия предрасположены для реализации определенной функции коммуникации. Для символического/мифического уровня характерны поэтическая, метаязыковая и фатическая функции, для системного/божественного - конативная и эмотивная функции. Реализация референтивной функции становится возможным только при условии удачности всех остальных.

Заключение.

Разнообразие способов проявления насилия зачастую осложняет аналитическую работу со столь многоликим феноменом. Однако способ проявления напрямую зависит от поставленных целей и функций самого акта, выявление которых открывает новые исследовательские горизонты, что напрямую отсылает к рассмотрению функциональной составляющей феномена насилия, и, в частности, его коммуникационного аспекта.

Анализ феномена насилия в его коммуникативной составляющей, реализующейся в политической сфере, непосредственно связан с конструированием этического пространства. Если исходить из трехчастного деления Я-Ты-Любой, проводимого П.Рикером¹⁵¹ для осмысления взаимодействия и равноуровневости политического и этического, то можно говорить о том, что на уровне Ты происходит признание способности и идентичности Другого, которое задает возможность возникновения политического. Но данная возможность реализуется не напрямую, а опосредованно за счет определенных правил, трансформирующих Ты в Любого (или действительно Другого), конституирующего уже пространство политического. Роль подобных правил может выполнять не только определенный речевой порядок, как это утверждает Рикером, но и некоторый уровень невидимого насилия, структурирующий социальную и символическую системы.

В целях концептуализации насилия и выявления общетеоретических подходов и методик к его изучению в рамках данной работы была введена авторская классификация интерпретаций насилия на основании наиболее характерных черт. Среди различных трактовок были выделены следующие: этологическая трактовка, концепция девиации, теория относительной депривации и фрустрационный подход, структурный

¹⁵¹ Рикер П. Мораль, этика и политика. // Поль Рикер в Москве. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

подход, институциональный подход, теория рационального выбора, насилие как объективная данность, утилитаристская традиция, теория легитимного насилия, субъектный подход, теория социального конфликта, постструктуралистский подход и теория ненасилия. Благодаря проведенному классификационному анализу феномена насилия стало возможным говорить о насильственном образовании всей политической системы. Также в самом определении насилия был выявлен этический элемент, подразумевающий принуждение свободной воли без принятия этого воздействия.

Различные конфигурации насилия, складывающиеся в его классификацию, агрегируются, в основном, на самом верхнем уровне «видимого» субъективного насилия, оставляя незатронутыми базисные основания исследуемого феномена. Обращение именно к субъективному уровню в рамках анализа феномена насилия продуцирует его оценку как абсолютного морального зла. В целях более полного анализа скрытых уровней были использованы концепции С.Жижека и В.Беньямина, выделяющие системное (объективное) и символическое, мифическое и божественное насилие соответственно. Благодаря обращению к символическому насилию стало возможным предположение о связи насилия и коммуникации, основанное на неотъемлемой языковой составляющей данных феноменов. Мифическое и символическое насилие, несмотря на принадлежность различным парадигмам, используют в качестве собственных средств формы, знаки и символы, что позволяет говорить о едином способе функционирования. Системное и божественное насилие несмотря на несхожесть их способов реализации взаимодополняют друг друга. Божественное насилие является оборотной стороной системного, его иррациональным элементом, благодаря которому становится возможен выход за собственные границы, а также реализуется двунаправленность системного насилия, где в одном случае субъект и

объект совпадают (системное насилие, как направленное на само себя), а в другом объектом становятся включенные в подчиненный дискурс элементы. Системное/божественное и мифическое/символическое совместно с субъективным насилием являются разными уровнями одного и того же феномена.

Анализ подходов к пониманию коммуникации, проведенный на основании концепции Крейга, позволил классифицировать основные традиции интерпретации данного феномена. Были выделены риторическая, феноменологическая, социопсихологическая, критическая и семиотическая традиции. Однако, не отрицая значимости каждого из представленных подходов, следует оговорить, что в рамках поставленных целей и задач настоящего исследования, некоторые концепции представлялись менее продуктивными. Так, риторическая традиция не учитывает значимую семиотическую составляющую коммуникации. Феноменологический и социопсихологический подходы напротив концентрируются исключительно на субъектном уровне взаимодействия. Кибернетическая теория остается на уровне самозамкнутой системы, вне анализа специфических свойств каждого элемента. Семиотическое и критическое направления исследования коммуникации задают необходимый вектор рассмотрения, где семиотическая традиция, представленная концепцией Романа Якобсона выделяет структурно-функциональные элементы, а критическая трактует коммуникацию как интеракцию на макро и микроуровне, опосредованную с помощью языка.

Обращение к коммуникативной модели Р.Якобсона позволило проанализировать функции коммуникации (или функции языка) на основании выделения структурных элементов данного акта: адресата, адресанта, контекста, формы, кода и канала связи, где каждому из них соответствует определенная функциональная составляющая адресат -

эмотивная функция, адресант - конативная, контекст - референтивная, код - метаязыковая, форма - поэтическая, канал - фатическая.

Выделенная концепция функций коммуникации в рамках насильственных актов реализуются следующим образом: конативная функция имеет прямой целью смену политического курса или изменение властных полномочий (их расширение, снятие или получение); референтивная функция способствует корректной работе части политической системы, отвечающей за вход и выход информации; эмотивная функция центрируется на действующем субъекте, позволяя осуществить (само)репрезентацию, непосредственно влияющую на формирование или утверждение идентичности субъекта; поэтическая функция реализуется посредством собственной формы, что находит свое выражение, в частности, на стыке политического и искусства; за проверку канала связи отвечает фатическая функция; метаязыковая функция кодифицирует всю существующую реальность. Акт коммуникации становится возможным только при реализации всех указанных функций, где его форму определяет доминирующая функция, которая превалирует в конкретном акте над остальными.

В контексте выделенных уровней насилия можно говорить о том, что для символического/мифического насилия характерна реализация поэтической, метаязыковой и фатической функций. Для системного/божественного среди таковых выделяются конативная и эмотивная функции. Реализация референтивной функции осуществляется благодаря совокупности всех остальных функций.

Таким образом, гипотезы, выдвинутые в начале работы, нашли свое частичное подтверждение. Насилие действительно является определенным социально-политическим конструктом, содержащим в себе коммуникативную потенцию. Способы и формы проявления насильственных актов связаны с главенствующей функцией и целью.

Феномен насилия не является статичным, постоянно трансформируясь и модифицируясь, но в данном случае корректнее говорить не о видах, а об уровнях насилия.

Этическая составляющая присутствует как в феномене коммуникации, который становится возможным только при условии признания за Другим его моральной субъективности, так и непосредственно в самом феномене насилия. Так, символическое измерение задает сам способ функционирования этического, в то время как системообразующий пласт коррелирует с нормативностью.

Список литературы.

1. Абеляр П. История моих бедствий. - М.: Атик, 1994.
2. Абеляр П. Теологические трактаты. - М.: Прогресс: Гнозис, 1995.
3. Августин Аврелий. О граде Божиим. - Москва : Харвест ; Москва : АСТ, 2000.
4. Адорно Т. Негативная диалектика. - М.: Научный мир, 2003.
5. Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI – XVII вв. – Л.: Наука 1990.
6. Арндт Х. О насилии. – М.: Новое издательство, 2014.
7. Аристотель. Политика. // Аристотель. Соч. в 4 т. Т.4. - М.: Мысль, 1984. С. 375-644.
8. Аристотель. Риторика // Аристотель. Риторика; Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. С. 5–148.
9. Арон Р. Мир и война между народами. - М.: NotaBene, 2000.
10. Бадью А. Манифест философии. — СПб: Machina, 2003.
11. Бадью А. Шум бытия. - М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», издательство «Логос-Альтера» / «Ессе homo», 2004.
12. Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. - М.: Правда, 1989.
13. Балибар Э. Волнения в banlieues.// Прогнозис, № 2(14), 2008.
14. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989.
15. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. - Киев: «NEXТ», 1994.

16. Беньямин В. К критике насилия // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей. - М.: РГГУ, 2012.
17. Бодрийяр Ж. Дух капитализма. Войны в заливе не было. - М.: РИПОЛ классик, 2016.
18. Братья Саид и Шериф Куаши входили в список террористов в США [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20150109/1041834521.html> (дата обращения 01.05.2017)
19. Бубер М. Диалог. // Бубер М. Два образа веры. - М.: ООО Изд-во АСТ, 1999. С.122 -161.
20. Бурдьё П. О символической власти. // Бурдьё П. Социология социального пространства. - М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
21. В Париже подожгли редакцию журнала, объявившего редактором Мухаммеда [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20111102/478367416.html> (дата обращения 01.05.2017)
22. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.
23. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.
24. Гадамер Г. Язык и понимание. // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991. С.43-59.
25. Ганди М.К. Моя вера в ненасилие. Вопросы философии. №3. 1992. С.65-66.
26. ГаррТ. Почему люди бунтуют? - СПб.: Питер, 2005.
27. Гидденс Э. Социология. - М. : Эдиториал УРСС, 1999.

28. Гимельштейн Я.Г., Долоцкая Н.А., Шукин Д.А. Этика акционизма: художественная практика и политический жест. // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: Сборник научных статей I международной научной конференции 22-23 сентября 2016. – Екатеринбург: ООО Издательство «Деловая книга», 2016.
29. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - М.: Директ-Медиа, 2002.
30. Голдберг Р. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. - М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015.
31. Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение. - Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого, 2011.
32. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–81.
33. Гуссерль Э. Картезианские размышления. - СПб.: Наука, 2001.
34. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
35. Дебор Г. Общество спектакля. - М.: Логос, 2000.
36. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе наук о человеке. // Современная литературная теория. Антология. - М.: Флинта: Наука, 2004.
37. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. - М.: Мысль, 1994.
38. Жижек С. О насилии. - М.: Европа, 2010.
39. Жирар Р. Насилие и священное. - М.: Новое литературное обозрение, 2010.
40. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. - М.: ББИ, 2015.

41. Зиммель Г. Человек как враг // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. - М.: Юристь, 1996.
42. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой // Ильин И.А. Путь к очевидности. - М.: Республика, 1993.
43. Капустин Б. Г. К понятию политического насилия. – Полис. Политические исследования. 2003. № 6.
44. Кинг М.Л. Паломничество к ненасилию // Этическая мысль. 1991. - М.: Республика, 1992.
45. Козер Л. Функции социального конфликта. -М.: Идея-Пресс, 2000.
46. Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. - М.: Водолей, 2010.
47. Крейг Р. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003.
48. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. Московский психотерапевтический журнал. 1996. №1.
49. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. - М.: Издательство «Гнозис», 1995.
50. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. (Семинары: книга XI (1964)) - М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2004.
51. Лассвелл Г. Структура и функции коммуникации в обществе. // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. - М.: Аванти плюс, 2003.
52. Леви-Строс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по

- семиотике фольклора. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.
53. Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
54. Локк Дж. Два трактата о правлении. // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. — Т.3. — М.: Мысль, 1988. С. 135–405.
55. Лоренц К. Агрессия. - М.: Прогресс, 1994.
56. Макиавелли Н. Государь. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt> (Дата обращения: 22.02.2017)
57. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. [Электронный ресурс] URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/livij.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 08.01.2017).
58. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
59. Маркс К. Капитал. Т. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://libelli.ru/works/kapital/24.htm> (дата обращения: 06.01.2017).
60. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. - М.: АСТ, Астрель, 2011.
61. Мертон Р. Социальная структура и аномия. // Социология преступности (Современные буржуазные теории). - М.: Прогресс, 1966.
62. Милль Дж. О свободе. // Наука и жизнь. 1993. № 11. С.10–15; № 12. С. 21–26.
63. Монтескье Ш.Л. О духе законов. — М.: Мысль, 1999.

- 64.Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. – М.: ИФРАН, 2008.
- 65.Ницше Ф. Письма. - М.: Культурная революция, 2007.
- 66.Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. - М.: АСТ, 2016.
- 67.Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий. - М.: Знание России, 1993.
- 68.Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002.
- 69.Пиджаков А.Ю., Рещецкий Ф.Н., Байра Ш.Б. Типология политического насилия. [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/2-2009/3937-tipologija-politicheskogo-nasilija.html (Дата обращения 18.03.2017)
- 70.Платон. Горгий // Платон. Соч. в 4 т. Т.1. - М.: Мысль, 1990. С. 477-574.
- 71.Платон. Государство. // Платон. Соч. в 4 т. Т.3. - М.: Мысль, 1994. С.79-420.
- 72.Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. - М.: СмартБук, 2009.
- 73.Рансьер Ж. На краю политического. — М.: Праксис, 2006.
- 74.Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. - М.: Академический Проект, 2008.
- 75.Рикер П. Мораль, этика и политика. // Поль Рикер в Москве. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
- 76.Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. - М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
- 77.Савчук В. В. Чистая критика Вальтера Беньямина // Герменевтика и деконструкция. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 1999. С. 105 —135.
- 78.Сарамаго Ж. [Про]зрение. - М.: Эксмо, 2013.

79. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ: Астрель, 2012.
80. Смелзер Н. Социология // СОЦИС. 1993. №7.
81. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1 : Социальная аналитика: учение о строении простейшего(родового) социального явления. - М.: Наука, 1993.
82. Сорель Ж. Размышления о насилии. – М.: Фаланстер, 2013.
83. Спенсер Г. Личность и государство. - Челябинск : Социум, 2007.
84. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 37. - М.: Гослитиздат, 1956.
85. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения; Я и Оно; Неудовлетворенность культурой. - СПб. : Алетейя, 1998.
86. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. - М.: Республика, 1994.
87. Фуко М. Порядок дискурса.// Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. - М.: Касталь, 1996.
88. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб.: Наука, 2000.
89. Хабермас Ю. Что такое «политическое»? [Электронный ресурс] URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe> (Дата обращения: 28.02.2017).
90. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. - М.: Прогресс-Традиция, 2004.
91. Шмитт К. Понятие политического // Политология: хрестоматия. Под ред. М.А. Василик. — М.: Гардарики, 2000.
92. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.20. - М.: Изд-во полит. лит-ры, 1961. С.5-342.

93. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс].
URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (Дата обращения: 03.02.2017)
94. Якобсон Р. Язык и бессознательное. - М.: Гнозис, 1996.
95. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат. 1991.
96. Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, London: Free Press of Glencoe, Collier-Macmillan, 1963.
97. Davies J. Toward a theory of revolution. American Sociological Review, Vol. 27, No. 1 (Feb, 1962), P. 5-19.
98. Derrida J. Acts of religion. – NY, London: Routledge, 2002.
99. Feshbach S. The function of aggression and the regulation of the aggressive drive. Psychological Review, Vol. 71, 1964. P. 257–272.
100. Galtung J. Violence, peace and peace research. // Journal of Peace Research. 1969. Vol.6. №3.
101. Gupta D. The Effect of Political Instability on Economic Growth. The Economics of Political Violence. – NY, 1990.
102. Miller N., The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941. V.4., №4.
103. Rappaport R. Ritual Regulation of Environmental Relations among a New Guinea People. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/3772735> (Дата обращения: 18.02.2017)